

Правовые позиции *Комитета ООН против пыток*

(практика за 2011-2012 гг.)

Комитет ООН против пыток (далее - Комитет) действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года (далее – Конвенция). Российская Федерация в качестве государства - продолжателя Союза ССР является участницей Конвенции.

Российская Федерация в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

В силу п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 N 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; [статьи 31 - 33](#)). Согласно пункту "b" части 3 [статьи 31](#) Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика межгосударственных органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении уголовных, гражданских дел, а также дел об административных правонарушениях учитывать правовые позиции, сформулированные Комитетом ООН против пыток.

Тексты приведенных в настоящем сборнике решений и замечаний общего порядка Комитета были получены с помощью официального сайта Комитета:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CAT/Pages/CATIndex.aspx>

Тексты приведенных решений и замечаний общего порядка Комитета также находятся в справочной системе «Международное право», установленной в ведомственном контуре Государственной автоматизированной системы «Правосудие».

Оглавление

Правовые позиции Комитета, сформулированные им при разрешении вопроса о наличии в запрашивающем государстве угрозы применения пыток	4
Основные правовые позиции Комитета.....	4
Реализация правовых позиций при рассмотрении Комитетом конкретных сообщений	8
<i>Сообщения, при рассмотрении которых Комитет установил наличие обоснованного риска в том, что в запрашивающем государстве лицо столкнется с угрозой пыток</i>	8
<i>Сообщения, при рассмотрении которых Комитет установил отсутствие риска в том, что в запрашивающем государстве лицо столкнется с угрозой пыток</i>	30
Правовые позиции Комитета, сформулированные им при разрешении вопроса о наличии в государстве пыток.....	46
Основные правовые позиции Комитета.....	46
Реализация правовых позиций при рассмотрении Комитетом конкретных сообщений	49
<i>Сообщения, при рассмотрении которых Комитет установил наличие пыток</i>	49
Замечания общего порядка, принятые Комитетом.....	59
Замечание общего порядка № 1 - Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22	59
Замечание общего порядка № 2 - Имплементация статьи 2 государствами-участниками	61
Замечание общего порядка № 3 (2012)	72

Правовые позиции Комитета, сформулированные им при разрешении вопроса о наличии в запрашивающем государстве¹ угрозы применения пыток²

Основные правовые позиции Комитета

«Комитету надлежит определить, станет ли высылка заявителя ... нарушением предусмотренного в статье 3 Конвенции³ обязательства государства-участника не высылать или не возвращать (*refouler*) какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему или ей может угрожать там применение пыток. Комитет должен оценить, существуют ли серьезные основания полагать, что заявителю может лично угрожать применение пыток по возвращении в Эфиопию. При оценке такой угрозы Комитет должен в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. В то же время Комитет напоминает, что цель этого анализа состоит в том, чтобы определить, возникнет ли лично для соответствующего лица предсказуемая и реальная угроза применения пыток в той стране, куда оно будет выслано» (пункт 7.2 Решения от 23 ноября 2012 года по делу *С. М. против Швейцарии*).

«Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что после возвращения заявителя в страну происхождения ему будет лично угрожать опасность применения пыток. При оценке такой опасности Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, вытекающие из пункта 2 статьи 3 Конвенции, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений

¹ Речь может идти и о государстве, в которое осуществляется *административное выдворение* лица.

² В силу пункта 1 статьи 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания «пытка» означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно».

³ В соответствии со статьей 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания «1. Ни одно государство - участник не должно высылать, возвращать (*refouler*) или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. 2. Для определения наличия таких оснований компетентные власти принимают во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая, в соответствующих случаях, существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека.

прав человека. Однако Комитет отмечает, что цель такого анализа состоит в том, чтобы установить, угрожает ли лично данному лицу предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую он или она подлежит возвращению. Из этого следует, что наличие практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием полагать, что соответствующее лицо окажется под угрозой применения к нему пыток по возвращении в эту страну; должны существовать дополнительные основания, свидетельствующие о наличии личной угрозы для соответствующего лица. Верно и обратное: отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что соответствующее лицо не может подвергнуться пыткам с учетом конкретных обстоятельств его или ее дела» (пункт 7.3 Решения от 14 ноября 2012 года по делу *Г.Б.М. против Швеции*).

«Комитет напоминает о своем замечании общего порядка № 1, где он отмечает, что, хотя при оценке риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности, опасность должна угрожать соответствующему лицу лично и быть реальной. В этой связи Комитет констатировал в своих предыдущих решениях, что угроза применения пыток должна быть "предсказуемой, реальной и личной"⁴. Касаясь бремени доказывания, Комитет напоминает, что бремя аргументированного изложения дела, как правило, лежит на заявителе и что при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений» (пункт 7.4 Решения по делу *Комби Брайс Маглуар Гбаджав против Швейцарии*).

«Комитет принимает решение по вопросу⁵ в свете информации, которую власти государства-участника имели или должны были иметь в своем распоряжении на момент экстрадиции. Последующие события полезны лишь для оценки информации, которую государство-участник фактически имело или должно было иметь в своем распоряжении на момент экстрадиции» (пункт 13.2 Решения от 1 июня 2012 года по делу *Тоиржон Абдусаматов против Казахстана*).

Комитет отмечает, что принцип недопустимости принудительного возвращения, закрепленный в статье 3 Конвенции, является абсолютным

⁴ *А.Р. против Нидерландов*, сообщение № 203/2002, решение, принятое 21 ноября 2003 года, пункт 7.3; *А.А. и др. против Швейцарии*, сообщение № 285/2006, решение, принятое 10 ноября 2008 года, пункт 7.6; *Р.Т.-Н. против Швейцарии*, сообщение № 350/2008, решение, принятое 3 июня 2011 года, пункт 8.4.

⁵ О наличии угрозы применения пыток.

и что борьба с терроризмом не освобождает государство-участник от лежащей на нем обязанности не высылать или возвращать ("refouler") лицо в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что ему там может угрожать применение пыток⁶. В этом контексте Комитет также указывает, что предусмотренный в статье 3 Конвенции принцип недопустимости принудительного возвращения является абсолютным даже в том случае, если по результатам оценки в соответствии с Конвенцией 1951 года о статусе беженцев лицо исключается из категории беженцев согласно пункту F c) статьи 1 (пункт 13.7 Решения).

«Комитет напоминает, что в соответствии с его замечанием общего порядка № 1 он в значительной степени опирается на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника, но при этом не считает себя связанным такими заключениями и в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции⁷ правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу (пункт 7.3 Решения от 23 ноября 2012 года по делу *С. М. против Швейцарии*).

«Хотя согласно своему замечанию общего порядка Комитет правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу, он напоминает, что не является апелляционным органом и что он должен в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника»⁸ (пункт 9.6 Решения от 15 ноября 2011 года по делу *Е.Л. против Швейцарии*).

«Статья 3 Конвенции обязывает государство, принимающее решение о том, выдавать или не выдавать какое-либо лицо, находящееся под его юрисдикцией, другому государству, предпринять все необходимые шаги для недопущения применения пыток. Это обязательство означает, что государство обязано тщательно рассмотреть и принять во внимание все имеющиеся обстоятельства, которые обоснованно могут быть сочтены как указывающие на существование угрозы применения пыток,

⁶ См. сообщение № 39/1996, *Паес против Швеции*, Соображения, принятые 28 апреля 1997 года; сообщение № 110/1998, *Нуньес Чипана против Венесуэлы*, Соображения, принятые 10 ноября 1998 года, пункт 5.6; и сообщение № 297/2006, *Сингх Соги против Канады*, Соображения, принятые 16 ноября 2007 года.

⁷ В силу пункта 4 статьи 22 Конвенции «Комитет рассматривает полученные в соответствии с настоящей статьей сообщения в свете всей информации, представленной ему данным лицом или от его имени и соответствующим государством - участником».

⁸ См. Замечание общего характера Комитета № 1, выше, пункт 9. См. также решение Комитета по делу *Т.Д. против Швейцарии* (сообщение № 375/2009) от 26 мая 2011 года, пункт 7.8.

определенной ранее. Подлежащие соблюдению требования по обеспечению недопустимости применения пыток отличаются еще большей жесткостью в тех случаях, когда государство-участник принимает решение запросить дипломатические заверения, прежде чем проводить выдачу преступника (или передачу любого другого типа), поскольку такой запрос указывает на наличие у выдающего государства обеспокоенности в связи с тем обращением, которому может подвергнуться высылаемое лицо в стране назначения. Даже в тех случаях, когда имеющиеся факты не указывают однозначным образом на существование опасности такого рода, обстоятельства дела могут отражать наличие обоснованных сомнений в отношении того, что принимающее государство будет соблюдать обязательство по недопущению пыток в соответствии со статьями 1 и 2 Конвенции» (пункт 14.4 Решения от 14 ноября 2011 года по делу *Режан Буали против Канады*).

«Комитет напоминает, что в соответствии с его правовой практикой понятие "местная опасность" не является критерием измерения и недостаточно для полного исключения возможности личной опасности подвергнуться пыткам»⁹ (пункт 9.7 Решения от 18 мая 2012 года по делу *Артур Касомбол Калонзо против Канады*).

«Кроме того, в замечании общего порядка Комитет заявляет, что он также должен установить, занимался ли заявитель на территории или за пределами соответствующего государства политической деятельностью, которая могла бы поставить его в особенно уязвимое положение с точки зрения опасности подвергнуться пыткам¹⁰» (пункт 9.3 Решения от 21 ноября 2011 года по делу *Абольгасем Фараголло и др. против Швейцарии*).

«Комитет считает, что в сообщениях жертв пыток вряд ли можно ожидать полной точности» (пункт 7.5 Решения от 5 ноября 2012 года по делу *Ке Чунь Рун против Австралии*).

⁹ См. сообщение № 338/2008, *Мондаль против Швеции*, решение от 23 мая 2011 года, пункт 7.4.

¹⁰ Замечание общего порядка № 1, *там же*, пункт 8 е).

Реализация правовых позиций при рассмотрении Комитетом конкретных сообщений¹¹

Сообщения, при рассмотрении которых Комитет установил наличие обоснованного риска в том, что в запрашивающем государстве лицо столкнется с угрозой пыток

Сообщение: *К. Х. против Дании.* Сообщение № 464/2011. Решение от 23 ноября 2012 года.¹²

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: В данном случае Комитет отмечает, что государство-участник признало, что заявитель был задержан талибами, когда он работал на строительстве дороги, и что талибы подвергли его серьезному физическому насилию, сломав ему по меньшей мере одно ребро. Комитет также отмечает, что государство-участник считает, что заявитель не подвергнулся бы риску грубого нарушения своих прав талибами после его возвращения, так как он не преследовался лично, назвался вымышленным именем и мог жить в Афганистане без дополнительных проблем. Комитет отмечает заявление государства-участника о том, что жалоба заявителя на предполагаемое применение пыток афганскими властями не заслуживает доверия из-за противоречивых заявлений, касающихся места его происхождения и обстоятельств его задержания и побега из тюрьмы. Комитет также отмечает аргумент государства-участника о том, что собеседования с сотрудниками Иммиграционной службы и слушание в датской Апелляционной комиссии по делам беженцев были проведены с использованием услуг устного переводчика с пушту и на пушту и что заявитель не высказал никаких замечаний, касающихся языковых проблем. Комитет также отмечает, что, несмотря на просьбу заявителя, Комиссия сочла, что не было необходимости в проведении специализированного медицинского обследования, поскольку его высказывания были противоречивыми (пункт 8.5 Решения).

Комитет отмечает, что заявитель оспаривает оценку государством-участником риска, которому он подвергнется в случае возвращения в Афганистан. Он утверждает, что рискует подвергнуться преследованиям со стороны талибов и афганских властей. Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что государство-участник не объяснило,

¹¹ Заявление, подаваемое физическим лицом в Комитет ООН против пыток, именуется *сообщением* (статья 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания).

¹² Здесь и далее перечень сообщений представлен в обратном хронологическом порядке по мере их рассмотрения Комитетом ООН против пыток.

почему неоспоримое утверждение относительно физического насилия, которому он подвергался со стороны талибов, не имеет отношения к законодательству об убежище, и что власти государства-участника не смогли оценить, насколько афганские власти способны защитить его от возможных репрессалий со стороны талибов. Что касается его заявления о физическом насилии со стороны афганских властей, то Комитет также отмечает утверждение заявителя о том, что государство-участник основывает свою оценку достоверности его жалобы на противоречивых заявлениях, которые он сделал в рамках процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища, что эти расхождения в заявлениях вызваны неадекватным переводом и что он не мог проверить его, так как он неграмотен. Кроме того, он утверждает, что, хотя он просил Апелляционную комиссию по делам беженцев провести специализированное медицинское обследование, чтобы проверить, есть ли у него следы пыток, и показал Комиссии предполагаемые следы пыток на руках и ноге, Комиссия отклонила его ходатайство о предоставлении убежища, так и не распорядившись о проведении такого обследования (пункт 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что никто не оспаривает, что заявитель был задержан талибами и подвергся физическому насилию, в результате чего ему сломали по меньшей мере одно ребро. Комитет, однако, также отмечает, что утверждение заявителя о преследованиях со стороны талибов связано в основном с деятельностью его отца и брата, что они были убиты примерно в 2006–2007 году, что нет жалобы на то, что эти преследования продолжаются в отношении любого другого члена семьи, включая заявителя, и что его задержание и жестокое обращение с ним не были связаны с личными преследованиями. Комитет также отмечает, что после этого инцидента заявитель смог прожить в Афганистане в течение не менее одного года без каких-либо дополнительных проблем или необходимости в особой защите. Таким образом, Комитет считает, что заявитель не представил достаточных доказательств в поддержку своего утверждения о том, что он подвергнется реальной и личной опасности применения к нему пыток талибами в случае возвращения в Афганистан (пункт 8.7 Решения).

Комитет отмечает, что во время собеседований с сотрудниками Иммиграционной службы Дании и членами Апелляционной комиссии по делам беженцев заявитель, будучи неграмотным, сделал непоследовательные заявления относительно его места происхождения и обстоятельств задержания сотрудниками афганской полиции и побега из тюрьмы; что собеседования проводились с использованием услуг переводчика с пушту и на пушту; и что заявитель пытался уточнить свои заявления в ответах на вопросы членов Комиссии во время слушания его

дела. Комитет также отмечает, что 10 января 2011 года и во время слушания в Комиссии 17 января 2011 года заявитель просил провести специализированное медицинское обследование и утверждал, что у него нет финансовых средств для самостоятельной оплаты такого обследования. Комитет также отмечает, что утверждение заявителя о том, что он показал членам Комиссии следы физического насилия со стороны афганских властей, оставленные на его руках и ноге, не было оспорено государством-участником. Комитет считает, что, хотя именно заявителю надлежит обосновать *prima facie*¹³ свое ходатайство о предоставлении убежища, это не освобождает государство-участник от необходимости приложить значительные усилия, чтобы определить, есть ли основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения. В этих обстоятельствах Комитет считает, что заявитель представил органам государства-участника достаточные материалы, подтверждающие его утверждения о том, что он подвергался пыткам, в том числе два медицинских меморандума, с тем чтобы добиваться дальнейшего расследования его заявлений, в частности путем проведения специализированного медицинского обследования. Поэтому Комитет заключает, что, отклонив ходатайство заявителя о предоставлении убежища, не пытаясь осуществить дальнейшее расследование его заявлений и не распорядившись о проведении медицинского обследования, государство-участник не смогло определить, есть ли серьезные основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения. Соответственно, Комитет приходит к выводу, что в данных обстоятельствах депортация заявителя в страну его происхождения будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 8.8 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток делает вывод о том, что высылка заявителя в **Афганистан** государством-участником будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 9 Решения).

Сообщение: *Ке Чунь Рун против Австралии*. Сообщение № 416/2010. Решение от 5 ноября 2012 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что в данном случае заявителю не удалось доказать, что в случае возвращения в Китай ему будет угрожать предсказуемая, реальная и

¹³ С первого взгляда.

личная опасность применения пыток со стороны китайских властей, что его утверждения были рассмотрены компетентными национальными органами в соответствии с внутренним законодательством и что эти органы "не были убеждены в том, что заявитель является лицом, в отношении которого Австралия несет обязательства по защите на основании Конвенции о статусе беженцев". Однако Комитет считает, что заявитель представил достаточные подробности, касающиеся его участия в отправлении культа Фалунь Гун, такие как информация об обрядах, показания лиц, участвовавших в них вместе с заявителем, заявления лиц, подтверждающих факт его ареста и содержания властями под стражей, а также медицинские заключения, в которых подтверждаются пытки, перенесенные им в период содержания под стражей (пункт 7.4 Решения).

Комитет отмечает, что вышеуказанные утверждения и доказательства не были в достаточной степени проверены иммиграционными властями Австралии. Комитет подчеркивает, что рассмотрение жалоб заявителя по существу с точки зрения грозящей ему опасности применения пыток было проведено главным образом на основе его первоначального ходатайства о выдаче защитной визы, которое он подал вскоре после прибытия в страну, когда еще не знал или не понимал существующую систему. Комитет далее отмечает, что с заявителем не было проведено собеседование ни в иммиграционной службе, которая отклонила его первоначальное ходатайство, ни в Трибунале по пересмотру дел беженцев, вследствие чего у него не было возможности прояснить те или иные несоответствия в своем первоначальном заявлении. Комитет считает, что в сообщениях жертв пыток вряд ли можно ожидать полной точности. Комитет далее отмечает, что как Федеральный мировой суд, так и Федеральный суд Австралии в своих решениях признают, что заявитель не был информирован о вызове на слушание в Трибунал по пересмотру дел беженцев. Комитет также отмечает, что государство-участник не оспаривает тот факт, что последователи культа Фалунь Гун подвергались в Китае пыткам, но выносит решение об отказе в предоставлении защиты заявителю на основании оценки правдоподобности его утверждений. В связи с этим Комитет считает, что при решении вопроса о том, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю в случае его высылки в страну его происхождения будет угрожать предсказуемая, реальная и личная опасность применения пыток, государству-участнику не удалось надлежащим образом проверить представленные заявителем утверждения и доказательства в рамках процедур, соответствующих процессуальному обязательству государства-участника в отношении проведения эффективного, независимого и беспристрастного разбирательства согласно статье 3 Конвенции. Поэтому Комитет считает, что заявитель не имел доступа к

эффективному средству обжалования решения об отклонении его ходатайства о выдаче защитной визы. Следовательно, Комитет приходит к выводу, что высылка заявителя в его страну происхождения будет являться нарушением статьи 3 Конвенции (пункт 7.5 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток приходит к выводу о том, что высылка заявителя в *Китай* явится нарушением статьи 3 Конвенции (пункт 8 Решения).

Сообщение: *Комби Брайс Маглуар Гбаджав против Швейцарии.* Сообщение № 396/2009. Решение Комитета от 1 июня 2012 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Оценивая угрозу применения пыток в рассматриваемом деле, Комитет принимает во внимание представленные заявителем сведения, согласно которым он является активистом ССП;¹⁴ что его роль заключалась в защите членов партии, распространении листовок и выступлении с заявлениями; что впервые он был арестован в 1999 году за то, что сообщил своим друзьям в Германии сведения о политической ситуации в Того; что он подвергался пыткам и содержался под стражей в бесчеловечных условиях в течение двух месяцев, а затем был освобожден; что после столкновений 18 июля 1999 года он бежал в Гану, спасаясь от ареста; что он возвратился в Того в 2002 году после того, как был представлен министру Х.О. Олимпио, который вручил ему пропуск и свою визитную карточку. Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что в ходе президентских выборов 2003 года он разоблачил фальсификации при голосовании; что, столкнувшись с угрозами смерти, он бежал в Бенин; что он вернулся в Того в январе 2004 года; что 28 марта 2006 года он был арестован жандармами и доставлен в лагерь Зебе, где его избивали и угрожали убить, обвиняя в участии в нападении на жандармерию в Ломе 26 февраля 2006 года; что 19 апреля 2006 года ему удалось бежать благодаря тому, что брат его жены подкупил одного из охранников; и что в конце концов он бежал в Гану, откуда через Италию перебрался в Швейцарию. Комитет принимает к сведению аргумент заявителя о том, что ситуация в Того для рядовых членов ССП не улучшилась и что им по-прежнему угрожают лишение свободы и пытки, что подтверждается в докладе ШОПБ¹⁵ от 18 мая 2009 года; и что в этом докладе отмечается, в частности, что к лицам, бежавшим из Того в Бенин и Гану, относятся с особым подозрением. Наконец, Комитет

¹⁴ Союз сил за перемены (политическая партия в Того).

¹⁵ Швейцарская организация по оказанию помощи беженцам.

принимает к сведению утверждение заявителя о том, что швейцарские власти не выполнили своего обязательства проводить эффективное и тщательное официальное расследование в тех случаях, когда кто-либо достаточно убедительно утверждает, что подвергался обращению, не совместимому со статьей 1 Конвенции. В данном случае это подтверждается представленными медицинскими заключениями, и в частности заключением психиатрической службы Золотурна от 29 мая 2009 года (пункт 7.5 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что заявитель не представил Комитету новых доказательств, а лишь оспаривал выводы национальных органов, оценивавших фактические обстоятельства дела. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что обстановка в Того значительно улучшилась с тех пор, как заявитель покинул страну; что ССП хотя и находится в оппозиции, но представлен в парламенте; и что группа лиц, бежавших из Того, возвратилась в страну и, по сообщениям, не подвергалась никаким преследованиям. Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что, если предположить, что рассказ заявителя заслуживает доверия, то сам по себе он не является серьезным основанием полагать, что в случае возвращения в Того ему будут угрожать пытки; что между арестом заявителя в 1999 году и его отъездом из Того в Швейцарию отсутствует какая-либо причинно-следственная связь; что в основе медицинских заключений, составленных спустя восемь лет после предполагаемых событий, лежит не фактическая информация о применении пыток, а утверждения заявителя; что в докладе ШОПБ, в котором говорится о том, что члены ССП сталкиваются с угрозой пыток, речь идет о рядовых членах, в то время как, по словам заявителя, он являлся активным членом ССП и даже пользовался протекцией г-на Х.О. Олимпиоу и что поэтому он не может считаться рядовым членом партии. Комитет констатирует, что государство-участник ставит под сомнение достоверность утверждений заявителя, который, по его мнению, представил непоследовательную и противоречивую информацию о своем месте жительства; аресте 28 марта 2006 года и освобождении из лагеря Зебе. Комитет отмечает, наконец, что, по мнению государства-участника, той политической деятельностью, которой занимался в Швейцарии заявитель, занимаются и многие другие оказавшиеся в этой стране выходцы из Того и что в связи с этой деятельностью у заявителя в случае возвращения не должно возникнуть дополнительных рисков (пункт 7.6 Решения).

Приняв к сведению аргументацию сторон, Комитет пришел к выводу, что заявитель представил достаточно доказательств того, что в случае возвращения в Того он рискует стать жертвой обращения,

идущего вразрез с положениями статьи 1 Конвенции. При этом Комитет в первую очередь опирался на утверждения самого заявителя, подкрепляемые докладом ШОПБ от 18 мая 2009 года, согласно которому оппозиционно настроенные граждане из числа членов ССП в случае занятия какой-либо политической деятельностью до сих пор сталкиваются с угрозой репрессий со стороны правительства, причем к тем из них, кто бежал из Того в Бенин и Гану, как это сделал заявитель, относятся с особым подозрением. Таким образом, независимо от того, является ли заявитель видным деятелем ССП или рядовым членом, угроза применения пыток для него сохраняется, поскольку ССП остается основной оппозиционной партией в Того. К тому же швейцарские власти не отрицали, что заявитель являлся активным членом ССП как в Того, так и в Швейцарии. Кроме того, поскольку серьезные нарушения прав человека во время и после президентских выборов, состоявшихся 24 апреля 2005 года, до сих пор не стали предметом судебного расследования, в стране формируется атмосфера безнаказанности и благоприятная почва для повторения подобных правонарушений¹⁶. Комитет отмечает также, что, несмотря на рекомендации, Того до сих пор не приняла уголовное законодательство, определяющее и карающее преступление пытки, что способствует их безнаказанному применению¹⁷. (пункт 7.7 Решения).

Что касается медицинских справок и заключений, представленных заявителем в обоснование ходатайства об убежище, то в трех медицинских справках от 25 июля 2007 года, 7 марта 2008 года и 29 апреля 2009 года указывается на слабое психическое здоровье заявителя, причины которого кроются в его тяжелом прошлом. Касаясь заключения психиатрической службы кантона Золотурн от 18 мая 2009 года, Комитет отмечает, что в нем в качестве возможной причины поставленного заявителю диагноза "посттравматическое расстройство" называются терроризм или пытки. По мнению Комитета, эти документы, которые должны были привлечь особое внимание государства-участника, являются достаточным основанием для проведения более тщательного расследования по поводу предполагаемых рисков. Более того, Федеральный административный суд лишь отклонил эти доказательства под тем предлогом, что они не дают основания поставить под сомнение обоснованность результатов оценки

¹⁶ См. заключительные замечания Комитета по правам человека (CCPR/C/TGO/CO/4), пункт 10.

¹⁷ См. заключительные замечания Комитета против пыток (CAT/C/TGO/CO/1), пункт 10; см. также заключительные замечания Комитета по правам человека (CCPR/C/TGO/CO/4), пункт 15.

обстоятельств дела, которые легли в основу предыдущих решений. Действуя подобным образом и не принимая во внимание эти доказательства, даже если они были представлены на более позднем этапе процедуры, власти государства-участника не выполнили свою обязанность удостовериться в том, что в случае возвращения в Того заявителю не угрожают пытки (пункт 7.8 Решения).

Выводы Комитета: С учетом всей представленной ему информации, а также того факта, что государство-участник не провело тщательного расследования, демонстрирующего обратное, Комитет полагает, что заявитель привел достаточные доказательства того, что ему лично угрожает реальная и предсказуемая опасность быть подвергнутым пыткам, если он будет выслан в свою страну происхождения (пункт 7.9 Решения). Комитет против пыток делает вывод о том, что высылка заявителя в *Того* будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 8 Решения).

Сообщение: *Тоиржон Абдусаматов против Казахстана*. Сообщение № 413/2010. Решение Комитета от 1 июня 2012 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению доводы адвоката о том, что заявители и другие лица, возвращенные в Узбекистан в соответствии с запросами об экстрадиции, содержались под стражей без связи с внешним миром и, следовательно, подвергались угрозе пыток или жестокого обращения. Он также принимает к сведению заявление адвоката о том, что в Узбекистане на систематической основе применяются пытки и жестокое обращение и что мусульмане, отказывающиеся исповедовать свою веру под контролем государства, а также лица, обвиняемые в религиозном экстремизме и посягательстве на свержение конституционного строя, в первую очередь сталкиваются с такой угрозой. Комитет также отмечает, что государство-участник отклонило ходатайство заявителей о предоставлении убежища или восстановлении аннулированного статуса беженцев¹⁸ на том основании, что они представляют угрозу для государства-участника и могут нанести серьезный ущерб его безопасности и безопасности других стран. Он также принимает к сведению довод адвоката о том, что судебное разбирательство в государстве-участнике, по результатам которого заявители были экстрадированы, было несправедливым, поскольку заявителям не были

¹⁸ У 12 заявителей вплоть до августа 2010 года был предоставляемый УВКБ статус беженцев.

предоставлены услуги переводчика, доступ заявителей к адвокатам был ограничен, а адвокатам было отказано в доступе к материалам дела. Комитет далее принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что за судопроизводством осуществляли надзор представители УВКБ¹⁹ и Бюро по правам человека государства-участника, не получившие никаких жалоб, и что заявителям гарантировалась правовая помощь и услуги переводчика. Что касается утверждения заявителей о том, что в Узбекистане им угрожает применение пыток, то Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что Узбекистан является участником Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции против пыток и что Узбекистаном были представлены дипломатические заверения в том, что заявители не будут подвергнуты пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Он также отмечает, что, согласно государству-участнику, Узбекистан заверил его в том, что международные организации могут осуществлять мониторинг в местах содержания под стражей. Комитет отмечает, что адвокат опроверг это утверждение, указав, что правила МККК²⁰ исключают возможность предоставления властям государства-участника какой-либо информации и что другим упомянутым организациям не был предоставлен доступ в места содержания под стражей. Комитет далее принимает к сведению заявление адвоката о том, что УВКБ выступило против экстрадиции четырех из 29 заявителей и что адвокату не был предоставлен доступ к информации о позиции УВКБ по остальным делам (пункт 13.5 Решения).

Что касается существования постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, то Комитет ссылается на свои заключительные замечания по третьему периодическому докладу Узбекистана,²¹ в которых он выразил свою озабоченность в связи с многочисленными, непрекращающимися и согласующимися друг с другом сообщениями о систематическом применении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания со стороны сотрудников правоохранительных и следственных органов или при их подстрекательстве или с их ведома, а также в связи с тем, что лица, пытавшиеся найти убежище за границей и возвращенные в страну, содержатся в заключении в неизвестных местах и, возможно, подвергаются актам, представляющим собой нарушение Конвенции (пункт 13.6 Решения).

¹⁹ Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев.

²⁰ Международный комитет Красного Креста.

²¹ CAT/C/UZB/CO/3.

Комитет отмечает, что все 29 заявителей являются мусульманами, которые, согласно сообщениям, исповедуют свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов или принадлежат к религиозным экстремистским организациям. Он также отмечает, что заявители были экстрадированы в ответ на запрос Узбекистана, в котором они обвинялись в совершении тяжких преступлений, включая религиозный экстремизм и посягательство на свержение конституционного строя, и на основании вывода государства-участника о том, что они представляют угрозу для безопасности его граждан и граждан других стран. Комитет вновь подтверждает выраженную в его заключительных замечаниях обеспокоенность в связи с принудительным возвращением лиц в Узбекистан по соображениям региональной безопасности, включая борьбу с терроризмом, без какой-либо информации об условиях их содержания, обращении с ними и их местонахождении²² (пункт 13.7 Решения).

С учетом обстоятельств данного дела Комитет считает, что как в его собственных заключительных замечаниях, так и в представленных ему материалах были приведены достаточные доказательства того, что в Узбекистане существует практика грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека и значительная угроза применения пыток или других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, в особенности в отношении лиц, исповедующих свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов. Кроме того, он отмечает, что, согласно утверждениям заявителей, они подверглись религиозным преследованиям, включая в некоторых случаях задержание и пытки, до того, как бежали в Казахстан (пункт 13.8 Решения).

В рамках настоящего дела Комитет отмечает, что государство-участник не представило доказательств в письменной или устной форме, опровергающих утверждения заявителей о том, что производство по вопросам экстрадиции не отвечало минимальным требованиям справедливого судебного разбирательства (например, достаточное время для подготовки к защите, ограниченный доступ к адвокатам и услугам переводчиков), и что им не была проведена индивидуальная оценка личной опасности для каждого заявителя подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. Комитет отмечает, что, хотя суд первой инстанции (Комитету были представлены некоторые решения) ссылается как на внутреннее законодательство, так и на Конвенцию 1951 года о статусе беженцев, им не была проведена индивидуальная оценка опасности в соответствии со статьей 3 Конвенции и принципом

²² CAT/C/KAZ/CO/2, пункт 15.

недопустимости принудительного возвращения, закрепленным во внутреннем законодательстве. Помимо этого, государство-участник отказалось соблюдать временные меры, запрошенные Комитетом. Государство-участник также не рассмотрело приведенные заявителями доводы о несправедливом судебном разбирательстве и угрожающей им лично опасности подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник не рассмотрело должным образом утверждения заявителей о том, что им угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. В контексте настоящего дела и принимая к сведению письменные и устные заявления сторон, Комитет приходит к выводу, что заявители, каждому из которых были предъявлены обвинения в религиозном экстремизме или принадлежности к экстремистской или террористической группе в Узбекистане и которые были экстрадированы государством-участником на основании этих обвинений, в достаточной степени продемонстрировали наличие для них предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. В силу этого Комитет заключает, что с учетом обстоятельств данного дела допущенная государством-участником экстрадиция заявителей в Узбекистан является нарушением статьи 3 Конвенции (пункт 13.9 Решения).

Кроме того, государство-участник сослалось на получение дипломатических заверений в качестве достаточной гарантии защиты от такой явной опасности. Комитет напоминает, что дипломатические заверения не могут быть использованы в качестве инструмента, позволяющего избежать соблюдения принципа недопустимости принудительного возвращения. Комитет отмечает, что государство-участник не привело достаточно конкретной информации о том, осуществляет ли оно мониторинг в какой-либо форме и предпринимало ли оно какие-либо меры для обеспечения того, чтобы мониторинг носил объективный, беспристрастный и достаточно достоверный характер (пункт 13.10 Решения).

Выводы Комитета: Комитет заключает, что с учетом обстоятельств данного дела допущенная государством-участником экстрадиция заявителей в *Узбекистан* является нарушением статьи 3 Конвенции (пункт 13.9 Решения).

Сообщение: *М.А.М.А. и др. против Швеции.* Сообщение № 391/2009. Решение Комитета от 23 мая 2012 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: В данном случае Комитет отмечает, что государство-участник признало и учитывает тот факт, что в Египте еще многое предстоит сделать в том, что касается обращения с арестованными и содержащимися под стражей лицами, а также случаев применения пыток в полицейских участках. Однако, не желая недооценивать озабоченность, которая может на законном основании выражаться относительно ситуации в области прав человека в Египте, государство-участник считает, что ситуацию в Египте во время рассмотрения национальными органами дела первого заявителя нельзя было охарактеризовать как ситуацию, требующую в целом защиты для просителей убежища из Египта (пункт 9.5 Решения).

Что касается позиции государства-участника относительно оценки опасности для первого заявителя подвергнуться пыткам, то Комитет отмечает, что государство-участник согласилось с тем, что нельзя исключать вероятность того, что египетские власти вновь проявят к нему интерес из-за его родства с осужденным убийцей Президента Садата, несмотря на давность этих событий. Кроме того, в связи с этим следует учитывать также размещенные им в Интернете в Швеции материалы, в которых он ставил вопрос о том, были ли осуждены и наказаны подлинные убийцы Президента Садата. И наконец, государство-участник согласилось с тем, что нельзя исключать проявления интереса со стороны египетских властей и к другим членам этой семьи. Оно, в частности, указало, что второй заявитель якобы подвергся жестокому обращению со стороны египетской полиции безопасности и что полицейские якобы неоднократно насильствовали третьего заявителя, когда тот находился под стражей в Египте. Поэтому невозможно в полной мере исключать, что он вновь подвергнется подобному обращению в случае возвращения в Египет (пункт 9.6 Решения).

Комитет принимает во внимание тот факт, что с учетом жизненного пути первого заявителя и характера утверждений других заявителей государство-участник оставляет на усмотрение Комитета решение вопроса о том, явится ли исполнение решений об их высылке нарушением Конвенции. В свете признания государством-участником вероятности того, что египетские власти проявят интерес к первому, второму и третьему заявителям, наряду с жизненным путем первого заявителя и характером его утверждений, Комитет приходит к выводу о том, что первый, второй и третий заявители обосновали во время представления сообщения предсказуемую, реальную и угрожающую им личную опасность подвергнуться пыткам в случае их возвращения в Египет (пункт 9.7 Решения).

Комитет отмечает далее, что в своем дополнительном представлении от 3 января 2012 года государство-участник признало, что, хотя в 2011 году в Египте произошли крупные перемены, они не обуславливают необходимость изменения его позиции по данному вопросу. Поэтому Комитет приходит к выводу о том, что первый, второй и третий заявители обосновали предсказуемую, реальную и угрожающую им лично опасность подвергнуться пыткам в случае их возвращения сейчас в Египет (пункт 9.8 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток приходит к заключению о том, что приведение в исполнение распоряжения о высылке М.А.М.А., Н.М.А.М.А. и Ах.М.А.М.А. в страну их происхождения (*Египет*) будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 10 Решения).

Сообщение: *Артур Касомбол Калонзо против Канады.* Сообщение № 343/2008. Решение, принятое Комитетом 18 мая 2012 года.

Тема сообщения: угроза высылки заявителя в Демократическую Республику Конго.

Вопросы существа: угроза применения пыток после высылки.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о недостоверности утверждений заявителя, в частности о противоречивых сведениях, представленных канадским властям относительно продолжительности его содержания под стражей в Демократической Республике Конго, контактов с сокамерниками, оставшихся якобы при нем денег, того, как ему удалось выйти на свободу, его пребывания в Замбии перед приездом в Канаду, пребывания его отца в Демократической Республике Конго, а также в отношении других моментов. Комитет также отмечает замечания государства участника касательно того, что заявитель не является членом какой-либо политической партии и что его родители неоднократно посещали Демократическую Республику Конго, не подвергаясь каким-либо преследованиям (пункт 9.4 Решения).

Комитет принимает к сведению сложное положение в области прав человека в Демократической Республике Конго, а также введенный Канадой мораторий на высылку в эту страну просителей убежища, ходатайства которых были отклонены. В связи с этим Комитет отмечает представленную заявителем информацию о том, что этот мораторий был введен вследствие широко распространенной практики насилия в

Демократической Республике Конго и что действие моратория не будет распространяться на заявителя ввиду его уголовного прошлого. Государство-участник не оспорило эту информацию. По мнению Комитета, эта информация подчеркивает дискреционный характер процедуры осуществления моратория, хотя, если следовать духу статьи 3 Конвенции, мораторий на высылку лиц, которым грозит опасность в их стране из-за широко распространенной там практики насилия, должен действовать в отношении всех без каких-либо различий (пункт 9.5 Решения).

Кроме того, Комитет принимает к сведению утверждения заявителя: а) о его задержании и применении к нему пыток в Демократической Республике Конго в 2002 году; б) о выданной в 2005 году медицинской справке, в соответствии с которой, хотя у заявителя мало физических следов применения пыток, с психологическими последствиями дело обстоит иначе, поскольку у него есть признаки посттравматического стрессового расстройства, полностью совместимые с его рассказом, и он, как представляется, имеет основания опасаться того, что с ним может произойти в случае принудительного возвращения в Демократическую Республику Конго²³; с) о позиции американского судьи, который предоставил ему защиту в соответствии с Конвенцией, полагая, что есть достаточно серьезные основания для констатации вероятности применения к нему пыток в случае возвращения (пункт 9.6 Решения).

Комитет принимает также к сведению замечание государства-участника о том, что в докладах 2007 и 2008 годов имеется немного упоминаний о случаях применения пыток в отношении членов СДСП²⁴ или луба из Касаи. В связи с этим Комитет полагает, что, хотя случаи применения пыток редки, угроза быть подвергнутым пыткам до сих пор сохраняется для заявителя, который является сыном одного из руководителей СДСП, принадлежит к этнической группе луба из Касаи и уже подвергался актам насилия во время его задержания в Киншасе в 2002 году. Кроме того, Комитет считает, что аргумент государства-участника о том, что заявитель мог бы обосноваться в Киншасе, где луба, как представляется, не подвергаются угрозе насилия (в отличие от того, что происходит в регионе Катанга), не устраняет полностью личную угрозу для заявителя (пункт 9.7 Решения).

Выводы Комитета: Комитет делает вывод о том, что заявитель доказал, что ему лично угрожает реальная и предсказуемая опасность быть подвергнутым пыткам в случае его принудительной высылки в

²³ См. сообщение № 374/2009, *С.М. и др. против Швеции*, решение от 21 ноября 2011 года, пункт 9.7.

²⁴ Союза за демократию и социальный прогресс.

Демократическую Республику Конго (пункт 9.8 Решения). Комитет против пыток приходит к заключению о том, что решение государства-участника выслать заявителя в Демократическую Республику Конго, если оно будет выполнено, станет нарушением статьи 3 Конвенции (пункт 10 Решения).

Сообщение: *Хамид Резо Эфтекари против Норвегии.* Сообщение № 312/2007. Решение, принятое Комитетом 25 ноября 2011 года.

Тема сообщения: высылка заявителя в Исламскую Республику Иран.

Вопросы существа: угроза применения пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в случае высылки.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Ссылаясь на свою правовую практику последнего времени²⁵, Комитет напоминает, что положение в области прав человека в Исламской Республике Иран является крайне тревожным, особенно после выборов, прошедших в стране в июне 2009 года. Комитет получил много сообщений, в частности о репрессиях и произвольных задержаниях многих сторонников реформ, студентов, журналистов и правозащитников, одни из которых втайне содержатся под стражей, а другие были приговорены к смертной казни и казнены. Комитет также отмечает, что 7 июля 2009 года шесть мандатариев специальных процедур Совета по правам человека (занимающихся такими аспектами, как произвольные задержания; внесудебные казни, казни без надлежащего судебного разбирательства или произвольные казни; право на свободу мнений и их свободное выражение; пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; положение правозащитников; и насильственные или недобровольные исчезновения) выразили свою обеспокоенность в связи с протестами по поводу иранских президентских выборов 2009 года, после которых было убито как минимум 20 человек, а сотни других лиц получили серьезные ранения в ходе столкновений с силами безопасности, якобы использовавшими боевые патроны и резиновые пули. Кроме того, эти же эксперты выразили свою обеспокоенность сообщениями об арестах и произвольных задержаниях без предъявления обвинения и о жестоком обращении с задержанными²⁶ (пункт 7.4 Решения).

²⁵ См. сообщения № 357/2008, *Джахани против Швейцарии*, решение, принятое 23 мая 2011 года, пункт 9.4, и № 381/2009, *Фараголла и др. против Швейцарии*, решение, принятое 21 ноября 2011 года, пункт 9.4.

²⁶ См. также документы, подготовленные Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека для универсального периодического обзора в отношении Исламской Республики Иран: A/HRC/WG.6/7/IRN/2, например пункты 28, 31 и 56;

В дополнение к этому Комитет принимает к сведению заключительные замечания Комитета по правам человека в отношении Исламской Республики Иран, которые были приняты 2 ноября 2011 года и в которых упомянутый Комитет заявил, что он "глубоко обеспокоен частыми случаями нарушения гарантий справедливого судебного разбирательства согласно Пакту, особенно революционными судами" (CCPR/C/IRN/CO/3, пункт 21), и что он "глубоко обеспокоен сообщениями о широком распространении практики пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в местах содержания под стражей, особенно в отношении лиц, которые обвиняются в преступлениях, связанных с национальной безопасностью, или лиц, дела которых рассматриваются революционными судами, что в некоторых случаях приводило к смерти заключенного" (пункт 7.5 Решения).

Комитет далее отмечает, что Комитет по правам человека выразил обеспокоенность тем, что:

«в 2008 году власти закрыли многие газеты и журналы, а также Ассоциацию журналистов и что после президентских выборов 2009 года многие журналисты, редакторы газет, работники кино и средств массовой информации были арестованы и содержатся под стражей. Комитет также обеспокоен контролем за использованием Интернетом и за содержанием публикуемых в нем материалов, блокированием вебсайтов, посвященных политическим новостям и анализу политики, искусственным снижением скорости соединения в Интернете и глушением иностранного спутникового вещания, особенно после президентских выборов 2009 года (статья 19)» (там же, пункт 27) (пункт 7.6 Решения).

Комитет принимает к сведению ранее проявлявшийся иранскими властями интерес к заявителю, о котором свидетельствуют его арест и допрос, а также полученные им в 2003 году в связи с его журналистской деятельностью повестки с вызовом в Революционный суд Тегерана. Он отмечает, что податель жалобы не утверждает, будто бы во время его ареста и допроса в 2003 году иранские власти все время его пытали. В то же время Комитет обращает внимание на утверждение заявителя о том, что после своего прибытия в Норвегию он продолжал заниматься журналистской деятельностью и что его сетевые журналы в это время были закрыты иранскими властями. Поэтому он придерживается мнения,

и A/HRC/WG.6/7/IRN/3 и Согг.1, пункты 28–29. Наконец, см. также заявление, сделанное Верховным комиссаром по правам человека 2 февраля 2011 года в связи с казнью в январе 2011 года как минимум 66 человек, в том числе не менее трех политических заключенных (доступно по адресу www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=10698&LangID=E).

что заявитель вполне мог оставаться объектом непрерывного внимания со стороны иранских властей (пункт 7.7 Решения).

В связи с якобы вынесенным ему заочным приговором о тюремном заключении на срок пять лет Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что судебные документы, представленные в обоснование ходатайства о предоставлении убежища и утверждения автора о грозящей ему опасности подвергнуться тюремному заключению и пыткам в случае возвращения в Исламскую Республику Иран, не являются подлинными, если судить по результатам проверки, проведенной посольством Норвегии в Тегеране. С другой стороны, Комитет отмечает, что заявитель оспорил результаты проверки этих документов, проведенной государством-участником, и утверждает, что Революционный суд Тегерана приговорил его к тюремному заключению на срок пять лет. Комитет не в состоянии оценить результаты проверки судебных документов, касающихся предположительно вынесенного заочного приговора о тюремном заключении на срок пять лет, ввиду того, что государство-участник и заявитель представили противоречивые заявления, не подкрепив их доказательствами (пункт 7.8 Решения).

Вместе с тем Комитет отмечает, что факт направления заявителю двух повесток с вызовом в Революционный суд оспорен не был и что эти повестки в сочетании с фактом его неявки в Революционный суд Тегерана в тот момент, когда его туда вызывали, сами по себе являются для заявителя элементом высокого риска. Наконец, Комитет отмечает, что, поскольку Исламская Республика Иран не является Стороной Конвенции, заявитель в случае высылки в Иран был бы лишен возможности обратиться в Комитет за какой-либо защитой (пункт 7.9 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток делает вывод о том, что решение государства-участника о возвращении заявителя в **Исламскую Республику Иран** представляло бы собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 8 Решения).

Сообщение: *С.М., Х.М. и А.М. против Швеции.* Сообщение № 374/2009. Решение, принятое Комитетом 21 ноября 2011 года.

Тема сообщения: высылка заявителей в Азербайджан.

Вопросы существа: угроза подвергнуться пыткам по возвращении в страну происхождения.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение заявителей о том, что в Азербайджане им угрожает опасность подвергнуться пыткам ввиду смешанного происхождения С.М., из-за которого они являются мишенью властей в стране их происхождения. Комитет также принимает к сведению их заявление о том, что из-за армянского происхождения С.М. все члены его семьи подвергались преследованию на этнической почве, в результате чего стали жертвами побоев и преследований со стороны как соседей, так и государственных должностных лиц (сотрудников полиции). Кроме того, они заявляют, что были задержаны, допрошены и стали жертвами побоев и сексуального надругательства (Х.М.) со стороны сотрудников национальной службы безопасности как по возвращении из Швеции в августе 2004 года, так и в ходе последующего допроса (пункт 9.6 Решения).

Комитет отмечает, что утверждения заявителей о применении пыток подкрепляются авторитетными медицинскими заключениями, составленными специалистами кризисно-травматологического центра в Стокгольме. В свете вышеизложенного и с учетом обращения, которому заявители подверглись по возвращении в Азербайджан в августе 2004 года, а также ввиду имеющейся в распоряжении Комитета общей информации о сохраняющемся враждебном отношении населения в целом к этническим армянам, живущим в Азербайджане²⁷, о том, что лица армянского происхождения в повседневной жизни подвергаются риску дискриминации²⁸, что они становятся жертвами притеснений или вымогательства взяток со стороны мелких чиновников при оформлении паспортов и что они зачастую скрывают свое происхождение, внося изменения в строку об этническом происхождении в паспортах, Комитет считает, что в случае возвращения в Азербайджан заявителям угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам по смыслу статьи 3 Конвенции (пункт 9.7 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток считает, что высылка С.М. и Х.М. в **Азербайджан** будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 10 Решения).

²⁷ См. Заключительные замечания Комитета по ликвидации расовой дискриминации в отношении пятого и шестого докладов Азербайджана (CERD/C/AZE/CO/6), пункт 15.

²⁸ Совет Европы, Европейская комиссия по борьбе против расизма и нетерпимости, Доклад о положении в Азербайджане (23 марта 2011 года), пункт 98.

Сообщение: *Абольгасем Фараголло и др. против Швейцарии.* Сообщение № 381/2009. Решение, принятое Комитетом 21 ноября 2011 года.

Предмет сообщения: Высылка заявителя из Швейцарии в Исламскую Республику Иран, опасность применения пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

Вопросы существа: Опасность применения пыток после высылки; опасность жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания после высылки.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Ссылаясь на свою недавнюю практику²⁹, Комитет напоминает, что положение в области прав человека в Исламской Республике Иран остается чрезвычайно тревожным, особенно после выборов, прошедших в стране в июне 2009 года. Комитет принял к сведению многочисленные сообщения с описанием, в частности, репрессий и произвольного заключения под стражу многих реформаторов, студентов, журналистов и правозащитников, некоторые из которых содержатся без права переписки и общения, а другие были приговорены к смерти и казнены³⁰. Государство-участник само признало тот факт, что положение в области прав человека в Иране вызывает тревогу во многих отношениях (пункт 9.4 Решения).

Комитет отмечает, что заявитель прибыл в Швейцарию в 2000 году. С 2005 года он является активным членом Демократической ассоциации в поддержку беженцев (ДАБ), которую он представляет в кантоне Обвальден. Он написал ряд статей, направленных против нынешнего иранского режима, занимался распространением публикаций своей

²⁹ См. сообщение № 357/2008, *Джахани против Швейцарии*, решение, принятое 23 мая 2011 года, пункт 9.4.

³⁰ В качестве примера можно указать на то, что 7 июля 2009 года шесть мандатариев специальных процедур Совета по правам человека (по произвольному задержанию, внесудебным казням, казням без надлежащего судебного разбирательства или произвольным казням; по праву на свободу мнений и их свободное выражение; по пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания; по положению в области прав человека правозащитников; по насильственным или недобровольным исчезновениям) выразили свою озабоченность по поводу протестов в связи с президентскими выборами в Иране в 2009 году, после которых по меньшей мере 20 человек были убиты и сотни других получили серьезные ранения в ходе столкновений с силами безопасности, предположительно применившими боевые патроны и использовавшими резиновые пули. Те же эксперты также выразили обеспокоенность по поводу сообщений об арестах и содержании под стражей без предъявления обвинения, а также по поводу жестокого обращения с заключенными.

См. <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=8383&LangID=E>; см. также документы, подготовленные УВКПЧ для универсального периодического обзора по Ирану: A/HRC/WG.6/7/IRN/2 (25 ноября 2009 года), например пункты 28, 31 и 56, и A/HRC/WG.6/7/IRN/3 (30 ноября 2009 года), пункты 28 и 29. См. также заявление Верховного комиссара по правам человека от 2 февраля 2011 года о казни по меньшей мере 66 человек в январе 2011 года, в том числе по меньшей мере 3 политических заключенных. <http://www.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=10698&LangID=E>.

организации и принимал участие в различных мероприятиях, проводимых неправительственными организациями и местными церквями в его кантоне. В качестве высокопоставленного сотрудника ДАБ он, согласно его утверждениям, принимает участие в стратегическом планировании ее деятельности, при этом его фамилия и адрес были опубликованы в ежемесячном журнале этой организации. Комитет также отмечает, что сыну заявителя был предоставлен статус беженца на основании его участия в деятельности, сопоставимой с деятельностью его отца в ДАБ, в частности в сборе подписей под петициями, распространении ежемесячного журнала организации "Капоин" и в подготовке радиопередач. Государство-участник не оспаривало эту информацию. С учетом сделанного государством-участником вывода о том, что сын заявителя не может быть возвращен в Исламскую Республику Иран из-за его политической деятельности, в связи с которой возвращение может поставить под угрозу его безопасность, Комитет считает, что наблюдается различие в обращении, поскольку те же власти готовы выслать его отца в Иран вопреки тому, что он занимается сопоставимой деятельностью и подвергается аналогичной опасности (пункт 9.5 Решения).

В свете всех этих обстоятельств, включая общее положение в области прав человека в Исламской Республике Иран, личные обстоятельства заявителя, который активно участвует в оппозиционной деятельности в рамках ДАБ и сыну которого был предоставлен статус беженца, а также принимая во внимание свою предыдущую практику³¹, Комитет придерживается того мнения, что последний мог привлечь внимание иранских властей (пункт 9.6 Решения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что существуют серьезные основания полагать, что в случае возвращения заявителя в **Исламскую Республику Иран** со своей женой и сыном Армином Фараголлоу для него возникнет опасность применения пыток. Кроме того, Комитет отмечает, что, поскольку Иран не является участником Конвенции, в случае высылки в страну заявитель будет лишен правовой возможности обратиться в Комитет за какой-либо защитой (пункт 9.6 Решения).

Сообщение: *Режан Буали против Канады.* Сообщение № 327/2007. Решение, принятое Комитетом 14 ноября 2011 года.

³¹ См. решение Комитета № 339/2008, *Амини против Дании*, принятое 15 ноября 2010 года, пункт 9.8, и решение № 357/2008, *Джахани против Швейцарии, выше*, сноска 19, пункт 9.4.

Тема сообщения: выдача заявителя Мексике для отбывания тюремного заключения за незаконный оборот наркотиков.

Вопросы существа: опасность применения пыток в случае выдачи заявителя.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что заявитель представлял свои доводы и вспомогательные³² доказательства различным органам власти государства-участника.... Принимая к сведению утверждения заявителя о том, что суды государства-участника основывались в своих решениях на ошибочных предположениях относительно эффективности дипломатических заверений, предоставленных Мексикой, в частности в отношении способности мексиканских властей контролировать силы безопасности страны и уменьшать тем самым опасность применения пыток, Комитет приходит к выводу о том, что представленная ему информация не указывает на наличие каких-либо очевидных ошибок в рассмотрении государством-участником утверждений заявителя и представленных им доказательств (пункт 14.2 Решения).

Оценивая опасность применения пыток на момент выдачи заявителя, Комитет отмечает, что заявитель указал на то, что подвергался пыткам во время ареста и что ему угрожали пытками в лазарете мексиканской тюрьмы в 1998 году и что в доказательство своих заявлений он представил медицинские заключения, подтверждающие, что он страдал психологическими отклонениями, включая посттравматический стресс, а также результаты проведенной полицией в государстве-участнике проверки на детекторе лжи, которые показали, что его утверждения о применении к нему пыток достоверны. В отношении реальной и личной опасности для заявителя подвергнуться пыткам в случае его выдачи Комитет отмечает, что заявитель указал на значительную опасность быть подвергнутым пыткам ввиду того, что он подлежал возвращению в ту же тюрьму, из которой совершил побег и в которой ему, согласно его утверждениям, угрожали пытками те самые сотрудники полиции из полицейского участка, которые арестовали его в 1998 году. Заявитель поставил под сомнение надежность дипломатических заверений, поскольку, с одной стороны, они были даны страной, в которой пытки, как утверждалось, были широко распространены или же практика их применения отрицалась властями, а во-вторых, было маловероятно, что полиция не станет допрашивать его в связи с преступлением, в совершении которого его обвиняли. В отношении последующих мер по контролю за соблюдением дипломатических заверений Комитет

³² Дополнительные.

отмечает, что после своей выдачи заявитель утверждал, что был подвергнут пыткам, хотя государство-участник оспаривает правоту этих утверждений. Комитет также отмечает, что национальные суды государства-участника сочли, что опасность для заявителя быть подвергнутым пыткам будет минимальной и что заявитель не смог представить убедительных доказательств того, что будет допрашиваться полицией. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что опасность применения пыток была уменьшена благодаря дипломатическим заверениям, действенность которых была оценена с учетом того факта, что будет создан механизм для контроля за положением заявителя на основе его регулярных посещений сотрудниками консульской службы. Это утверждение оспаривается заявителем, который указывает на то, что в период с 17 по 20 августа 2007 года государство-участник не предпринимало никаких шагов с целью удостовериться в его безопасности (пункт 14.3 Решения).

Неоспоримым является то, что заявитель ранее подвергался пыткам. С учетом этих обстоятельств Комитет должен определить, позволял ли характер дипломатических заверений в данном конкретном случае устранить все разумные сомнения в том, что заявитель не будет подвергаться пыткам после выдачи. В этом контексте Комитет должен учесть, были ли предусмотрены в полученных дипломатических заверениях процедуры последующего контроля, которые гарантировали бы их эффективность (пункт 14.4 Решения).

В данном случае Комитет придерживается того мнения, что перед тем как принять решение о выдаче, государство-участник не учло всех обстоятельств, указывающих на то, что заявитель подвергался предсказуемой, реальной и личной опасности применения к нему пыток. Во-первых, государство-участник не учло того факта, что заявитель подлежал направлению в ту же тюрьму, в которой во время его побега несколькими годами ранее погиб тюремный охранник, и что гибель охранника также являлась одной из причин направления запроса о выдаче. Во-вторых, согласованная система дипломатических заверений не была тщательным образом отработана для эффективного предотвращения пыток. Дипломатические и консульские представительства государства-участника не были надлежащим образом уведомлены о высылке заявителя и не были информированы о необходимости поддержания тесного и постоянного контакта с ним начиная с момента передачи его властям принимающей стороны. В данном случае дипломатические заверения и предусматривавшиеся посещения сотрудниками консульской службы не позволили предугадать вероятность того, что заявитель столкнется с весьма серьезной опасностью применения пыток в течение первых дней своего тюремного

заклучения. А такая опасность действительно оказалась реальной, поскольку заявитель прибыл в Мексику 17 августа 2007 года и, по его словам, подвергался пыткам в период с 17 по 20 августа 2007 года. При этом государство-участник до 22 августа 2007 года не предпринимало никаких мер для того, чтобы удостовериться в его безопасности (пункт 14.5 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, делает вывод о том, что высылка заявителя государством-участником в Мексику представляла собой нарушение статей 3 и 22 Конвенции (пункт 14.6 Решения).

Сообщения, при рассмотрении которых Комитет установил отсутствие риска в том, что в запрашивающем государстве лицо столкнется с угрозой пыток

Сообщение: *С. М. против Швейцарии.* Сообщение № 432/2010. Решение Комитета от 23 ноября 2012 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что государство-участник обратило его внимание на тот факт, что начиная с первой процедуры рассмотрения вопроса о предоставлении убежища заявитель представлялась под различными именами и как гражданка различных стран и что ее личность достоверно не установлена до сих пор. Комитет также принимает к сведению представленную заявителем информацию по этому вопросу. Он, однако, считает, что расхождения в показаниях заявителя не являются препятствием для оценки Комитетом опасности применения пыток в случае ее высылки в Эфиопию (пункт 7.4 Решения).

Комитет принял к сведению показания заявителя по поводу ее участия в деятельности КИНИЖИТ³³ в Швейцарии. Он также принимает к сведению, что она по ее собственному утверждению, является одним из наиболее активных членов КИНИЖИТ и была такой с момента учреждения организации и что она, в частности, выступала с речью на учредительном заседании КИНИЖИТ, участвовала в нескольких

³³ Швейцарская группа, выступающая в поддержку Коалиции за единство и демократию.

демонстрациях и присутствовала в момент передачи петиции в Организацию Объединенных Наций в Женеве. Комитет далее отмечает, что заявитель не утверждала, что она подвергалась арестам или жестокому обращению со стороны эфиопских властей или что ей предъявлялись обвинения в нарушении антитеррористического или иного национального законодательства. Комитет также принимает к сведению утверждение заявителя о том, что эфиопские власти пользуются современными техническими средствами для слежки за эфиопскими диссидентами за рубежом, отмечая при этом, что она не пояснила данное утверждение и не представила в его подтверждение никаких доказательств. Комитет также отмечает, что государство-участник подвергло сомнению это утверждение, равно как и упоминание заявителем противоречий в судебной практике Федерального административного суда в отношении оценки опасности, угрожающей гражданам Эфиопии в случае их возвращения на родину. По мнению Комитета, заявитель не представила достаточных доказательств того, что ее политическая деятельность имеет такое значение, что она не может не обратить на себя внимание со стороны эфиопских властей, и не представила других веских доказательств того, что власти в ее родной стране разыскивают ее или что в случае возвращения в Эфиопию ей лично угрожают пытки (пункт 7.5 Решения).

Соответственно, Комитет приходит к выводу, что представленной заявителем информации, в частности свидетельствующей об отсутствии какой-либо политической деятельности в Эфиопии до ее выезда из страны и незначительном уровне ее политической активности в Швейцарии, недостаточно для того, чтобы подтвердить обоснованность ее утверждения о том, что ей лично в случае возвращения в Эфиопию будет угрожать серьезная опасность пыток. Хотя Комитет и беспокоят многочисленные сообщения о нарушениях прав человека в Эфиопии, в том числе о применении пыток, он напоминает, что для целей статьи 3 Конвенции угроза пыток, которым может подвергнуться лицо в случае возвращения в страну, должна быть предсказуемой, реальной и личной (пункт 7.6 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток делает вывод о том, что решение государства-участника о возвращении заявителя в *Эфиопию* не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 8 Решения).

Сообщение: *Х. К. против Швейцарии*. Сообщение № 432/2010. Решение Комитета от 23 ноября 2012 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Оценивая угрозу применения пыток в рассматриваемом случае, Комитет принимает к сведению утверждения заявительницы о том, что она была подвергнута тюремному заключению и жестокому обращению со стороны эфиопских военных в мае 2006 года. Он также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что эти утверждения не были подкреплены доказательствами заявительницы при рассмотрении швейцарскими инстанциями ее первого ходатайства об убежище и что они не упоминались ею во втором ходатайстве об убежище. Комитет также констатирует, что государство сомневается в достоверности документа, подтверждающего задержание заявительницы, который предположительно был выдан Полицейской комиссией Городской администрации Аддис-Абебы. Комитет также принимает к сведению информацию, представленную заявительницей по этим вопросам. В связи с этим он отмечает, что она не представила никаких доказательств, которые подкрепляли бы ее утверждения о том, что эфиопские военные подвергали ее жестокому обращению до ее прибытия в Швейцарию, или свидетельствовали бы о том, что полиция или иные органы в Эфиопии с тех пор разыскивают ее. Кроме того, заявительница не сообщала ни швейцарским инстанциям, занимающимся вопросами убежища, ни в своей жалобе Комитету о том, что ей были предъявлены какие-либо обвинения на основании антитеррористического законодательства или какого-либо иного национального закона (пункт 7.4 Решения).

Комитет далее принимает к сведению представления заявительницы о ее участии в деятельности ОПКШ³⁴ и АЭШ.³⁵ Так, он отмечает, что, по ее словам, заявительница является одним из наиболее активных членов движения эфиопских диссидентов в Швейцарии, регулярно публикует критические статьи против эфиопских властей в Интернете и принимает участие в обсуждениях в оппозиционных блогах. Комитет также отмечает, что государство-участник сомневается в авторстве заявительницы применительно к данным статьям и записям. Комитет далее принимает к сведению утверждение заявительницы о том, что эфиопские власти применяют современные технические средства для отслеживания эфиопских диссидентов за границей, отмечая, однако, что она не обосновала это утверждение и не представила каких-либо доказательств в его поддержку. По мнению Комитета, заявительница не представила достаточных доказательств того, что ее политическая деятельность имеет такое значение, что не может не привлечь внимание

³⁴ Организация по поддержке КИНИЖИТ в Швейцарии.

³⁵ Ассоциация эфиопов в Швейцарии.

эфиопских властей, и не представила никаких других доказательств того, что власти ее родной страны разыскивают ее или что ей лично угрожает опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения в Эфиопию (пункт 7.5 Решения).

Соответственно Комитет делает вывод, что представленная заявителем информация, в том числе о неясном характере ее политической деятельности в Эфиопии до ее отъезда из этой страны и о невысоком уровне ее политической деятельности в Швейцарии, не является достаточным доказательством того, что ей лично угрожает опасность быть подвергнутой пыткам в случае возвращения в Эфиопию. Хотя Комитет и беспокоят многочисленные сообщения о нарушениях прав человека, в том числе о применении пыток в Эфиопии, он напоминает, что для целей статьи 3 Конвенции угроза применения пыток, которым может подвергнуться соответствующее лицо в случае возвращения, должна быть предсказуемой, реальной и личной. В свете вышесказанного Комитет считает такую угрозу недоказанной (пункт 7.6 Решения).

Выводы Комитета: С учетом изложенного выше Комитет против пыток делает вывод о том, что решение государства-участника о возвращении заявительницы в *Эфиопию* не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 8 Решения).

Сообщение: *P. A. против Швейцарии.* Сообщения № 389/2009. Решение от 20 ноября 2012 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: В данном деле Комитет считает, что представленные ему факты не позволяют ему сделать вывод о том, что заявителю в случае его возвращения в Турцию будет угрожать личная, предсказуемая и реальная опасность пыток. В связи с этим, несмотря на то что Федеральное управление по миграции (ФУМ) Швейцарии приняло решение не рассматривать ходатайство заявителя о предоставлении ему убежища в силу того, что оно уже было рассмотрено в Германии (Регламент "Дублин II"), утверждения заявителя об угрозе применения пыток были рассмотрены ФУМ, а затем Федеральным административным трибуналом (ФАТ). Однако заявитель не привел убедительных доводов в подтверждение того, что в случае возвращения в Турцию ему будет угрожать "предсказуемая, реальная и личная" опасность, связанная с его отношениями с организацией,

сотрудничающей с РПК,³⁶ а также с отношениями членов его семьи со сторонниками РПК (пункт 9.4 Решения).

Комитет отмечает, что заявитель не представил никаких свидетельств того, что ему угрожает личная опасность, в частности информации о существовании возможности возбуждения против него уголовного дела по политическим мотивам, так как от него не было получено никаких доказательств того, что уголовное дело, возбужденное против него в Турции, по которому он был оправдан, было политически мотивированным. К тому же заявитель не представил документов для обоснования своих утверждений о том, что во время его предполагаемых арестов в Турции он подвергался жестокому обращению, или хотя бы подробной информации о том, что оно собой представляло, или сведений о том, каким образом он мог в течение года жить и работать в Стамбуле, не имея проблем с турецкими властями, или других доказательств, позволяющих предположить, что турецким властям известно о его активной общественной деятельности во Франции и Германии и что из-за этой деятельности ему будет угрожать опасность в стране его происхождения. Кроме того, Комитет считает, что доводы, касающиеся положения ПДО (политического объединения, являющегося правопреемником ХАДЕП³⁷) и курдского населения в целом, не являются достаточными основаниями для вывода о существовании личной угрозы (пункт 9.5 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток заключает, что возвращение заявителя в *Турцию* не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункты 9.6-10 Решения).

Сообщение: *Г. М. Б. против Швеции.* Сообщение № 435/2010. Решение Комитета от 14 ноября 2012 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: В данном случае Комитет отмечает, что миграционные органы государства-участника приняли во внимание тот факт, что положение в области прав человека в Объединенной Республике Танзании не идеально, но все же приемлемо с точки зрения свободы прессы и права на свободное выражение мнений. Однако, не допуская недооценки тех факторов озабоченности, которые можно обоснованно отметить в связи с нынешним положением в области прав человека в Танзании с точки

³⁶ Рабочая партия Курдистана.

³⁷ Одна из политических партий.

зрения свободы прессы и права на свободное выражение мнений, власти государства-участника установили, что положение в этой стране само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что принудительное возвращение заявителя станет нарушением статьи 3 Конвенции (пункт 7.5 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что в период с 30 апреля до конца июня 2002 года он содержался под стражей и подвергался пыткам. Он также принимает к сведению сомнения, выраженные в связи с этим государством-участником, т.е. заявление о том, что, по достоверным данным, заявитель в 2002 году находился под арестом лишь несколько часов. Комитет также отмечает, что заявитель практически не оспаривал эту информацию в своих комментариях (пункт 7.6 Решения).

Комитет также принимает во внимание период времени, истекший после событий 2002 года, и напоминает, что, хотя прошлые события могут иметь отношение к делу, главная цель его оценки – определить, угрожает ли сейчас заявителю опасность подвергнуться пыткам после возвращения в Объединенную Республику Танзанию. В связи с этим государство-участник также принимает к сведению ссылку государства-участника на самые последние доклады о правах человека с оценкой нынешнего положения журналистов в Танзании (пункт 7.7 Решения).

Комитет далее отмечает, что заявитель не опровергал замечания государства-участника о том, что статья, из-за которой власти Танзании предположительно обратили на него внимание, была опубликована 3 августа 2008 года, но что, тем не менее, после этой даты - 27 августа 2008 года - заявителю был выдан паспорт, и он смог беспрепятственно выехать за границу (пункт 7.8 Решения).

Наконец, относительно медицинской карты, представленной в рамках данного сообщения, Комитет отмечает, что заявитель не дал никаких пояснений по поводу того, почему он не представил ее раньше властям государства-участника, и что в любом случае в этой карте нет никаких дополнительных конструктивных подробностей, указывающих на жестокое обращение, предположительно перенесенное заявителем (пункт 7.9 Решения).

Выводы Комитета: В данных обстоятельствах и в отсутствие какой-либо другой относящейся к делу информации Комитет считает, что заявитель не доказал, что в случае его высылки в страну происхождения ему будет угрожать предсказуемая, реальная и личная угроза применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции. Следовательно,

Комитет против пыток приходит к выводу о том, что принудительное возвращение заявителя в **Объединенную Республику Танзания** не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции (пункты 8-9 Решения).

Сообщение: *А.А.М. против Швеции*. Сообщение № 413/2010. Решение Комитета от 23 мая 2012 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: В данном деле Комитет отмечает, что государство-участник признало и учло тот факт, что положение с правами человека в Бурунди остается неудовлетворительным и что общая ситуация в области прав человека в Бурунди все еще очень нестабильна после длительной гражданской войны между правительством, в котором доминировали тутси, и группами повстанцев, в которых доминировали хуту. Тем не менее, должным образом проявляя озабоченность, которая может быть обоснованно выражена в связи с текущим положением с правами человека в Бурунди, миграционные власти и суды государства-участника установили, что существующие в этой стране обстоятельства сами по себе недостаточны, чтобы утверждать, что принудительное возвращение заявительницы в Бурунди станет нарушением статьи 3 Конвенции (пункт 9.5 Решения).

Комитет также отмечает, что государство-участник указало на многочисленные несоответствия и серьезные противоречия в изложении заявительницей фактов и ее утверждениях, что ставит под сомнение ее правдивость и достоверность ее заявлений в целом. Комитет также принимает к сведению информацию, представленную заявительницей по этим вопросам (пункт 9.6 Решения).

В связи с утверждением заявительницы о том, что она была приговорена к тюремному заключению сроком на 20 лет за пособничество в убийстве и краже, действия, которые она, по ее словам, не совершала, Комитет отмечает довод государства-участника о том, что заявительница не представила фактический судебный приговор, а только документ, озаглавленный "свидетельство о вручении приговора". Кроме того, государство-участник заявило, что документы, представленные в подтверждение слов заявительницы, обладают весьма незначительной доказательной силой, поскольку это очень простые документы, которые легко изготовить, и на них отсутствуют какие-либо регистрационные номера или другие идентифицирующие признаки. Кроме того, государство-участник подняло вопрос о том, почему заявительница получила оригиналы документов из судебного дела, а не их заверенные

копии, как это обычно принято. Заявительница не опровергла этих замечаний и не представила никаких доказательств обратного или дополнительных доводов, несмотря на то, что ей была дана соответствующая возможность (пункт 9.7 Решения).

Выводы Комитета: В свете вышеизложенного Комитет полагает, что заявительница не доказала, что в случае ее высылки в страну происхождения ей будет угрожать предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам по смыслу статьи 3 Конвенции. Соответственно, Комитет против пыток приходит к заключению о том, что высылка заявительницы в **Бурунди** государством-участником не будет нарушением статьи 3 Конвенции (пункты 9.8 – 10 Решения).

Сообщение: *Э.Т. против Швейцарии.* Сообщение № 393/2009. Решение Комитета от 23 мая 2012 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает во внимание утверждения заявителя об ее участии в деятельности КИНИЖИТ³⁸/ПКЕД³⁹ в Швейцарии и Ассоциации эфиопов в Швейцарии. Принимает он к сведению и ее утверждения о том, что она помогала организовывать встречи известного эфиопского оппозиционного политика в ходе посещения ею Швейцарии, а также о ее статьях в Интернете, об участии в демонстрациях и выступлениях на местном радио. Комитет далее отмечает, что заявитель не утверждала, что она подвергалась арестам или жестокому обращению со стороны эфиопских властей или что ей предъявлялись обвинения в нарушении антитеррористического или иного национального законодательства. Комитет также принимает к сведению утверждение заявителя о том, что эфиопские власти пользуются современными техническими средствами для слежки за эфиопскими диссидентами за рубежом, отмечая при этом, что она не пояснила данное утверждение и не представила в его подтверждение никаких доказательств. По мнению Комитета, заявитель не представила достаточных доказательств того, что ее политическая деятельность имеет такое значение, что она не может не привлечь интерес эфиопских властей, и не представила других веских доказательств того, что власти в ее родной стране разыскивают ее или что в случае возвращения в Эфиопию ей лично угрожают пытки (пункт 7.4 Решения).

³⁸ Швейцарская группа, выступающая в поддержку Коалиции за единство и демократию.

³⁹ Партия коалиции за единство и демократию.

Соответственно Комитет приходит к выводу, что представленной заявителем информации, не дающей, в частности, точного представления о характере ее политической деятельности в Эфиопии и свидетельствующей о невысоком уровне ее политической активности в Швейцарии, недостаточно для того, чтобы подтвердить обоснованность ее утверждения о том, что ей лично в случае возвращения в Эфиопию будет угрожать серьезная опасность пыток. Хотя Комитет и беспокоят многочисленные сообщения о нарушениях прав человека, в том числе о применении пыток, в Эфиопии, он напоминает, что для целей статьи 3 Конвенции угроза пыток, которым может подвергнуться соответствующее лицо в случае возвращения, должна быть предсказуемой, реальной и личной. В свете вышесказанного Комитет считает такую угрозу недоказанной (пункт 7.5 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток делает вывод о том, что решение государства-участника о возвращении заявителя в *Эфиопию* не нарушает требований статьи 3 Конвенции (пункт 8 Решения).

Сообщение: *М.Д.Т. против Швейцарии.* Сообщение № 382/2009. Решение Комитета от 14 мая 2012 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению неустойчивое положение в области прав человека в Демократической Республике Конго, включая эскалацию нарушений этих прав в период президентских выборов 2006 года. Комитет отмечает, что государство-участник приняло этот фактор во внимание при оценке того, будет ли возвращение в данную страну связано с личным риском для заявителя; в частности, оно учло ослабление напряженности в стране после отъезда из нее Жан-Пьера Бембы в 2007 году (пункт 7.3 Решения).

Заявитель утверждает, что в Демократической Республике Конго ему лично угрожает реальная опасность применения пыток из-за его членства в КДО⁴⁰ и активных выступлений против кандидатуры г-на Кабилы в ходе президентских выборов 2006 года, вследствие чего он был задержан и избит сотрудниками сил безопасности, которые с тех пор его разыскивают. Свои утверждения о наличии угрозы применения пыток заявитель подкрепляет ордером, якобы выданным на его арест, и справкой об обращении к зубному врачу, представленной в подтверждение отмеченного им жестокого обращения. Хотя заявитель

⁴⁰ Конголезское движение за освобождение.

просил о продлении срока, отведенного ему для ответа на замечания государства-участника по существу дела, мотивируя это необходимостью получить от своих знакомых в Демократической Республике Конго дополнительные доказательства, он так и не представил каких-либо новых документов, которые могли бы помочь обосновать его утверждения (пункт 7.5 Решения).

Комитет отмечает также, что государство-участник оспаривает подлинность представленного заявителем ордера на арест, считая его поддельным. Государство-участник также усомнилось в том, имеет ли отношение к делу предъявленная заявителем справка об обращении к зубному врачу. Заявитель заверяет Комитет в том, что ордер на арест и медицинская справка являются подлинными и относящимися к делу. Однако он не представил ни достаточных подтверждений подлинности ордера на арест, ни объяснений того, почему в справке от зубного врача не указана причина повреждения его зубов. В связи с этим Комитет отмечает отраженные в отчете о собеседовании с сотрудниками Федерального управления по миграции слова заявителя о том, что копия ордера на арест обошлась ему в крупную денежную сумму, на основании чего государство-участник пришло к заключению, что документ был подделан за взятку. Заявителем не было представлено убедительных аргументов, которые позволили бы Комитету подвергнуть сомнению выводы государства-участника на этот счет (пункт 7.6 Решения).

В отношении пыток, которые, по словам заявителя, угрожают ему как активисту КДО, игравшему деятельную роль в президентской избирательной кампании 2006 года, Комитет отмечает, что обоснованность и правдоподобие утверждений заявителя оспариваются государством-участником. Он также обращает внимание на слова заявителя о том, что документы, доказывающие его членство в КДО, были изъяты силами безопасности при его аресте. Комитет констатирует, что заявитель не смог сообщить дополнительно никаких подробностей о структуре и руководстве КДО. Он также отмечает неучастие заявителя в политической деятельности КДО в Швейцарии. Заявитель никак не объяснил причины, по которым он после отъезда из страны оставался в стороне от деятельности КДО. Комитет приходит к выводу, что заявитель не представил доказательств такой политической активности с его стороны, уровень которой убедительно свидетельствовал бы о том, что в случае возвращения в Демократическую Республику Конго ему будет угрожать конкретная опасность (пункт 7.7 Решения).

В свете всей представленной ему информации Комитет считает, что из имеющихся в его распоряжении материалов не следует, что заявитель,

который, возможно, проявлял активность в ходе президентских выборов 2006 года, – до сих пор находится в розыске или рискует подвергнуться пыткам или жестокому обращению. Соответственно, Комитет не может прийти к выводу о том, что возвращение заявителя в Демократическую Республику Конго было бы связано лично для него с реальной, конкретной опасностью применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции. Комитет с обеспокоенностью отмечает многочисленные сообщения о нарушениях прав человека, включая применение пыток, в Демократической Республике Конго, но напоминает, что для целей статьи 3 Конвенции соответствующему лицу должна угрожать предсказуемая и реальная опасность лично подвергнуться пыткам в стране, в которую он или она подлежит возвращению. В свете вышеизложенного Комитет считает, что наличие такой опасности установлено не было (пункт 7.8 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток делает вывод о том, что принудительное возвращение заявителя в ***Демократическую Республику Конго*** не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции (пункт 7.9 Решения).

Сообщение: *М.З.А. против Швеции.* Сообщение № 424/2010. Решение от 22 мая 2012 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение о том, что в случае высылки в Азербайджан заявителю могут грозить пытки или жестокое обращение из-за его прошлой политической деятельности. Комитет отмечает, что заявитель не предъявил никаких доказательств того, что он разыскивается за свою политическую деятельность в Азербайджане. В связи с этим заявитель не представил копию ордера на арест или какие-либо доказательства того, что ведется расследование и что он лично является фигурантом такого расследования. Комитет отмечает, что заявитель не утверждал, что в прошлом он содержался под стражей или подвергался пыткам (пункт 8.4 Решения).

В отношении предполагаемого участия заявителя в политической деятельности Комитет отмечает, что, несмотря на неоспоримый факт того, что он был членом АМИП,⁴¹ а позднее "Мусават", которые являются зарегистрированными партиями в Азербайджане, он, как представляется, не занимал руководящих должностей ни в одной из этих

⁴¹ Азербайджанская национальная партия.

партий и поэтому вряд ли представлял бы особый интерес для азербайджанских властей в случае возвращения. Нет также никаких свидетельств того, что, находясь в Швеции, он занимался какой-либо деятельностью, которая представляла бы интерес для тех же властей через несколько лет после того, как он покинул Азербайджан (пункт 8.5 Решения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что не существует оснований полагать, что в случае возвращения в *Азербайджан* заявителю будет угрожать предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам. В этой связи Комитет приходит к выводу о том, что его высылка в эту страну не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 8.6 Решения).

Сообщение: *Н.Б.-М. против Швейцарии.* Сообщение № 347/2008. Решение, принятое Комитетом 21 ноября 2011 года.

Тема сообщения: Высылка заявителя из Швейцарии в Демократическую Республику Конго, опасность применения пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения.

Вопросы существа: Опасность применения пыток после высылки; опасность применения жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания после высылки.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет сознает всю неудовлетворительность положения с правами человека в ДРК,⁴² которая в первую очередь сказывается на женщинах⁴³, а также ссылается на свою правовую практику по этому вопросу⁴⁴. Комитет отмечает, что государство-участник учло это обстоятельство в связи с оценкой опасности, которой могла бы быть подвергнута заявитель в случае ее отправки в свою страну. Кроме того, исходя из информации по конкретной ситуации в Киншасе⁴⁵, куда должна быть выслана заявитель,

⁴² Демократическая Республика Конго.

⁴³ См., в частности, совместный доклад о положении в Демократической Республике Конго, подготовленный семью экспертами Организации Объединенных Наций, а также доклад Верховного комиссара по правам человека о положении с правами человека и деятельности Управления Верховного комиссара в Демократической Республике Конго, А/HRС/13/63 от 28 января 2010 года и А/HRС/13/63 от 8 марта 2010 года.

⁴⁴ Сообщение № 322/2007, *Нжамба против Швеции*, решение, принятое 14 мая 2010 года, пункт 9.5.

⁴⁵ Комитет обратился в Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) с просьбой изложить свою позицию по вопросу об отправке просителей убежища в ДРК, в том числе в Киншасу. В руководящих принципах, которыми он поделился с Комитетом 11 ноября 2009 года, УВКБ проводит различия между просителями убежища с учетом района их происхождения: по поводу положения в провинциях Северная Киву, Южная Киву, Маньема и восточной провинции страны (районы Итури, Нижнее Уэле и Верхнее Уэле) УВКБ полагает, что любой проситель убежища,

Комитет придерживается мнения о том, что важность этого обстоятельства не препятствует ее высылке. С учетом вышесказанного Комитет приступает к анализу подпадающего под действие статьи 3 Конвенции вопроса о личной опасности, угрожающей заявителю (пункт 9.5 Решения).

Заявитель утверждает, что существование в настоящее время личной опасности быть подвергнутой пыткам в Демократической Республике Конго установлено на основании факта распространения ею в своем квартале по просьбе ее жениха политического заявления, направленного против действующего режима, в связи с чем, по ее утверждениям, она подвергалась угрозам со стороны служб безопасности Демократической Республики Конго и находилась в розыске после того, как покинула место проживания ее семьи, а затем уехала из страны в 2001 году. Комитет отмечает, что государство-участник оспаривает достоверность утверждений заявителя, в частности факт распространения политического заявления, которое было получено ею через своего жениха. Он отметил, что задействованные в связи с этим средства как со стороны повстанцев для распространения этого заявления, так и с конголезской стороны для нахождения отдельного противника режима в лице заявителя представляются несоразмерными, и, судя по всему, данное утверждение не соответствует действительности. Заявитель не представила убедительных доводов, которые позволили бы Комитету усомниться в выводах государства-участника по этому поводу. С учетом всей совокупности обстоятельств Комитет не может согласиться с доводом заявителя, согласно которому она, возможно, находилась в розыске в течение 11 лет после описанного инцидента, хотя она никогда не занималась политической деятельностью в период проживания в ДРК. В том что касается политической деятельности заявителя в Швейцарии, о которой она сообщила с запозданием⁴⁶ и которая, по ее словам, состоит в активном участии в работе "Альянса патриотов за преобразование Конго" (АПАРЕКО), заявитель не уточняет, с какого времени она является членом этого движения, и не предъявляет убедительных фактов, которые бы свидетельствовали о том, что эта деятельность могла бы создать для нее конкретную опасность нарушения статьи 3, если она

являющийся выходцем из этих провинций, нуждается в международной защите с учетом массовых нарушений прав человека, от которых в настоящее время страдают эти районы конфликта. По поводу других районов ДРК (включая Киншасу) УВКБ считает, что ходатайства о предоставлении убежища, которые подают выходцы из этих районов, должны рассматриваться с учетом обстоятельств в каждом отдельном случае и их обоснованности с точки зрения Конвенции 1951 года о статусе беженцев. Вместе с тем УВКБ предлагает государствам учитывать гуманитарные соображения, которые могли бы иметь отношение к делу, а также свои договорные обязательства в области прав человека.

⁴⁶ Это утверждение было сделано только в четвертом представлении заявителя Комитету (26 марта 2009 года).

будет возвращена в Демократическую Республику Конго (пункт 9.6 Решения).

В связи с утверждением заявителя о том, что она подверглась изнасилованию в аэропорту Киншасы до того, как она покинула ДРК, о котором она информировала Комитет в своем втором представлении⁴⁷, Комитет полагает, что он не может принять во внимание это утверждение, изложенное Комитету в самых общих чертах, поскольку заявитель лишь упомянула о факте изнасилования двумя должностными лицами, оказавшими ей содействие в бегстве из страны, но не представила подтверждений данного заявления (пункт 9.7 Решения).

В связи с утверждениями, относящимися к нынешнему состоянию здоровья заявителя, Комитет отмечает трудности, пережитые заявителем. Он также отмечает довод государства-участника о том, что в Демократической Республике Конго заявитель будет иметь возможность обратиться к врачу. Заявитель не оспорила этот последний довод, а Комитет самостоятельно ознакомился с докладами, которые, подтверждая неудовлетворительное состояние системы здравоохранения в Демократической Республике Конго и высокую стоимость лечения, указывают на наличие в стране соответствующей инфраструктуры и возможность пройти в Киншасе лечение от депрессии⁴⁸. Кроме того, Комитет отмечает, что, даже в случае если состояние здоровья заявителя, возможно, ухудшится в результате ее высылки, такое ухудшение не будет равносильно актам жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения со стороны государства-участника, о которых говорится в статье 16 Конвенции⁴⁹ (пункт 9.8 Решения).

Комитет полагает, что с учетом всей представленной информации, включая информацию о положении в Киншасе, заявитель не представила достаточных доказательств, которые позволили бы ей сделать вывод о том, что в случае ее возвращения в Демократическую Республику Конго ей угрожала бы личная, реальная и предсказуемая опасность применения пыток, что являлось бы нарушением требований статьи 3 Конвенции (пункт 9.9 Решения).

⁴⁷ 24 июля 2008 года.

⁴⁸ Например, см. la fiche pays RDC du Projet "Information sur le pays de retour" (novembre 2008) para 3.6.1 et le rapport de l'Organisation suisse d'aide aux réfugiés (OSAR) intitulé "DRC: Psychiatrische Versorgung", A. Geiser, 10 juin 2009), page 2.

⁴⁹ См. сообщения № 186/2001, *М.К.К. против Швейцарии*, решение, принятое 11 ноября 2003 года, пункт 6.8, и № 83/1997, *Г.П.Б. против Швеции*, решение, принятое 15 мая 1998 года, пункт 6.7.

Выводы Комитета: Комитет против пыток, действуя согласно пункту 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, делает вывод о том, что высылка заявителя в **Демократическую Республику Конго** не влечет за собой никаких нарушений статьи 3 Конвенции (пункт 10 Решения).

Сообщение: *Е.Л. против Швейцарии.* Сообщение № 351/2008. Решение, принятое Комитетом 15 ноября 2011 года.

Тема сообщения: Высылка заявителя в Демократическую Республику Конго.

Вопросы существа: Риск применения пыток в случае высылки заявительницы.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет знает, как обстоит дело с правами человека в Демократической Республике Конго, и в курсе многочисленных нарушений, включая пытки, произвольные задержания и насилие в отношении женщин, которые продолжают становиться достоянием гласности в этой стране⁵⁰. Тем не менее Комитет напоминает, что такое положение само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что заявительница по возвращении в свою страну рискует подвергнуться пыткам: должны существовать дополнительные основания, позволяющие считать, что заинтересованное лицо будет подвергаться такому риску лично (пункт 9.4 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждения заявительницы, согласно которым в случае возвращения в ДРК ей может угрожать риск жестокого обращения вследствие того, что в 2004 году в период работы в канцелярии докладчика конголезского парламента в качестве сотрудницы, ответственной за прием посетителей, она передавала секретную информацию руандийским повстанцам, а также по той

⁵⁰ См., среди прочего, доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека о положении в области прав человека и о деятельности Управления Верховного комиссара в Демократической Республике Конго от 10 января 2011 года (A/HRC/16/27); доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Демократической Республике Конго от 17 января 2011 года (S/2011/20); заключительные замечания Комитета по докладу Демократической Республики Конго, представленному в соответствии с Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (CAT/C/DRC/CO/1/CRP.1 (2006)); заключительные замечания Комитета по правам человека в отношении доклада, представленного государством-участником в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах (CCPR/C/COD/CO/3 (2006)); и доклад "Assistance technique et renforcement des capacités: Rapport conjoint de sept procédures spéciales thématiques sur l'assistance technique au Gouvernement de la République démocratique du Congo et l'examen urgent de la situation dans l'est du pays" (A/HRC/10/59).

причине, что она подала ходатайство о предоставлении ей политического убежища в Швейцарии. Комитет также отмечает, что заявительница не приводила в качестве аргументов факты жестокого обращения с ней в ДРК и что ее утверждения не были сочтены правдоподобными властями страны (пункт 9.5 Решения).

Комитет уделяет необходимое внимание выводам различных инстанций государства-участника, которые рассмотрели факты и элементы доказательств, приведенные заявительницей в ходе процедуры ходатайства об убежище, и пришли к выводу о том, что заявительница не заслуживает доверия. Ее выводы основываются на неправдоподобности и противоречивости ее рассказа, в частности в той его части, которая касается секретной информации, якобы передававшейся ею руандийским повстанческим силам, а также контактов с ее братьями, предупреждения, которое якобы было ей дано сотрудником НРУ,⁵¹ бегства из страны и деталей, касающихся ее семейного окружения. Основанием для этих выводов также послужило использование доказательств, признанных фальсифицированными, например вышеупомянутой газетной статьи⁵², а также письменного свидетельства докладчика конголезского парламента г-на Лухулу Лунге. Комитет уделил необходимое внимание комментариям заявительницы, но, тем не менее, считает, что ее аргументы не были в достаточной мере подкреплены и не позволяют в силу этого опровергнуть или прояснить противоречия, отмеченные государством-участником в своих замечаниях (пункт 9.6 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток делает вывод о том, что высылка заявительницы в **Демократическую Республику Конго** не будет являться нарушением государством-участником статьи 3 Конвенции (пункт 10 Решения).

⁵¹ Национальное разведывательное управление.

⁵² Данная статья, озаглавленная "Политическая полиция загоняет в угол разыскиваемую ею г-жу Е.Л.", которая была приобщена к материалам дела, действительно напечатана другим шрифтом и буквами другого размера, нежели статьи в остальной части этой страницы, и она помещена на странице газеты "Ля Маншетт", озаглавленной "Экономика и общество" (28 января 2005 года). Комитет также отметил, что в заголовке письма, подтверждающего подлинность этой статьи, содержится грубая орфографическая ошибка ("Ля Машетт" вместо "Ля Маншетт").

Правовые позиции Комитета, сформулированные им при разрешении вопроса о наличии в государстве пыток

Основные правовые позиции Комитета

«Комитет напоминает, что согласно Конвенции запрещение пыток носит абсолютный характер и их предупреждение является эффективной и не допускающей отступлений мерой»⁵³ (пункт 10.4 Решения от 25 ноября 2011 года по делу *Фату Сонко против Испании*).

«Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 2, согласно которому юрисдикция государства-участника распространяется на любую территорию, где государство-участник прямо или косвенно, полностью или частично осуществляет де-юре или де-факто эффективный контроль в соответствии с международным правом⁵⁴. Такое толкование понятия юрисдикции применимо не только к статье 2, но и ко всем положениям, содержащимся в Конвенции, включая статью 22»⁵⁵ (пункт 10.3 Решения от 25 ноября 2011 года по делу *Фату Сонко против Испании*).

«Комитет напоминает, что государство-участник обязано проводить оперативное и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что были совершены действия, представляющие собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Такое расследование должно преследовать цель как определения характера и обстоятельств предполагаемых деяний, так и установления личности всех тех, кто мог участвовать в их совершении»⁵⁶ (пункт 10.7 Решения от 25 ноября 2011 года по делу *Фату Сонко против Испании*).

«Комитет уже заявлял, что Конвенция не требует от жертвы подачи официальной жалобы в национальные судебные органы в случае пытки или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и достаточно того, что факты были доведены до сведения государственных властей⁵⁷. В связи с этим Комитет считает, что участие

⁵³ Замечание общего порядка № 2 Комитета (сноска 4 выше), пункт 3.

⁵⁴ Замечание общего порядка № 2 Комитета против пыток, касающееся имплементации статьи 2 Конвенции государствами-участниками, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят третья сессия, Дополнение № 44 (A/63/44), приложение VI, пункт 16.*

⁵⁵ См. Сообщение № 323/2007, *Х.И.А. против Испании*, решение от 10 ноября 2008 года, пункт 8.2.

⁵⁶ См., например, Сообщение № 261/2005, *Бесим Османи против Сербии*, решение от 8 мая 2009 года, пункт 10.7.

⁵⁷ См. Сообщения № 6/1990, *Анри Уне Паро против Испании*, решение от 2 мая 1995 года; и № 59/1996, *Энкарнасьон Бланко Абад против Испании*, решение от 14 мая 1998 года.

автора сообщения (и/или иного члена семьи) в качестве стороны разбирательства не было обязательным условием для выполнения обязательства государства-участника по статье 12 и что обязательство проводить расследование при наличии подозрения на жестокое обращение носит в соответствии с Конвенцией абсолютный характер и ложится на государство» (пункт 10.6 Решения от 25 ноября 2011 года по делу *Фату Сонко против Испании*).

«Статья 12 требует также, чтобы расследование было быстрым, беспристрастным и эффективным, при этом быстрота имеет важное значение, поскольку это позволяет прекратить применение к жертве таких действий и, во-вторых, поскольку, за исключением случаев причинения долговременных или тяжких повреждений вследствие применения вышеупомянутых методов, физические следы пыток, и прежде всего жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, как правило, исчезают через короткое время»⁵⁸ (пункт 12.5 Решения Комитета от 23 мая 2012 года по делу *Александр Герасимов против Республики Казахстан*).

«Комитет напоминает, что само по себе расследование не является достаточным для того, чтобы продемонстрировать соблюдение государством-участником своих обязательств по статье 12 Конвенции,⁵⁹ если может быть показано, что оно не было беспристрастным»⁶⁰ (пункт 12.4 Решения Комитета от 23 мая 2012 года по делу *Александр Герасимов против Республики Казахстан*).

«Комитет напоминает, что статья 14 Конвенции⁶¹ признает не только право на справедливую и адекватную компенсацию, но и налагает на государства-участники обязательство обеспечивать, чтобы жертва пыток получала соответствующее возмещение. Это возмещение должно охватывать весь ущерб, причиненный жертве, включая восстановление в правах, компенсацию и реадaptацию жертвы, равно как и соответствующие меры, гарантирующие неповторение нарушений,

⁵⁸ Сообщение № 59/1996, *Бланко Абад против Испании*, Соображения, принятые 14 мая 1998 года, пункт 8.2.

⁵⁹ Согласно статье 12 Конвенции «каждое государство - участник обеспечивает, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что пытка была применена на любой территории, находящейся под его юрисдикцией».

⁶⁰ См. сообщение № 257/2004, *Керемедчиев против Болгарии*, решение, принятое 11 ноября 2008 года, пункт 9.4.

⁶¹ В силу статьи 14 Конвенции «1. Каждое государство - участник обеспечивает в своей правовой системе, чтобы жертва пыток получала возмещение и имела подкрепляемое правовой санкцией право на справедливую и адекватную компенсацию, включая средства для возможно более полной реабилитации. В случае смерти жертвы в результате пытки право на компенсацию предоставляется его иждивенцам. 2. Ничто в настоящей статье не затрагивает любого права жертвы или других лиц на компенсацию, которое может существовать согласно национальному законодательству».

с учетом во всех случаях обстоятельств каждого дела⁶². Комитет считает, что, несмотря на преимущества, которые предоставляет уголовное расследование для жертвы с точки зрения доказывания, гражданское разбирательство и требование жертвы о возмещении не должны зависеть от исхода уголовного разбирательства. Он считает, что выплату компенсации не следует откладывать до установления уголовной ответственности. Гражданское разбирательство должно быть доступным независимо от уголовного разбирательства, и для такого гражданского судопроизводства следует предусмотреть необходимое законодательство и институты. Если в соответствии с внутренним законодательством требуется провести уголовное разбирательство до обращения за гражданской компенсацией, то непроведение уголовного разбирательства или его неоправданная задержка представляют собой невыполнение государством-участником своих обязательств по Конвенции. Комитет подчеркивает, что дисциплинарные или административные средства защиты без доступа к эффективному судебному пересмотру не могут считаться адекватной формой возмещения в контексте статьи 14» (пункт 12.8 Решения Комитета от 23 мая 2012 года по делу *Александр Герасимов против Республики Казахстан*).

«Комитет считает рассмотрение... дополнительных доказательств целесообразным, учитывая то, что, хотя медицинские заключения судмедэкспертов обычно имеют важное значение для установления факта совершения актов пыток, зачастую они бывают недостаточными и их необходимо сопоставлять с другими источниками информации»⁶³ (пункт 7.3 Решения от 23 мая 2012 года по делу *Оскарц Гальястех Содуп против Испании*).

⁶² См. сообщение № 269/2005, *Салем против Туниса*, решение, принятое 7 ноября 2007 года, пункт 16.8.

⁶³ См. сообщение № 59/1996, *Бланко Абад против Испании*, решение от 14 мая 1998 года, пункт 8.8. См. также замечание общего порядка № 32 (2007) Комитета по правам человека о равенстве перед судами и трибуналами и праве каждого на справедливое судебное разбирательство (статья 14 Пакта) (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят вторая сессия, Дополнение № 40*, том. I [A/62/40 (том I)], приложение VI), пункт 41.

***Реализация правовых позиций при рассмотрении
Комитетом конкретных сообщений***

*Сообщения, при рассмотрении которых Комитет установил наличие
пыток*

Сообщение: *Александр Герасимов против Казахстана.* Сообщение № 433/2010. Решение Комитета от 23 мая 2012 года.

Тема сообщения: непроведение быстрого и беспристрастного расследования утверждений о пытках, непривлечение к ответственности виновных и непредоставление полного и адекватного возмещения.

Вопросы существа: пытки; сильная боль или страдания; эффективные меры по предупреждению пыток; быстрое и беспристрастное расследование в тех случаях, когда имеются достаточные основания полагать, что был совершен акт пытки; право на предъявление жалобы компетентным властям и на быстрое и беспристрастное рассмотрение ими такой жалобы; право на справедливую и адекватную компенсацию; ущемление права на подачу ходатайств, предусмотренного статьей 22.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что заявитель указывает на нарушение пункта 1 статьи 2 Конвенции на том основании, что государство-участник не выполнило свою обязанность предупреждать акты пыток и наказывать виновных. Эти положения применимы в той мере, в которой акты, которым подвергся заявитель, считаются актами пытки по смыслу статьи 1 Конвенции⁶⁴. В связи с этим Комитет принимает к сведению подробное описание заявителем обращения, которому он подвергся во время содержания под стражей в полиции, и медицинские заключения, документально подтверждающие нанесенные ему телесные повреждения и долговременный психологический ущерб. Комитет считает, что такое обращение можно охарактеризовать как преднамеренное причинение сильной боли и страданий должностными лицами в целях получения от заявителя признания вины. Государство-участник, не оспаривая медицинские доказательства, отрицает какую-либо причастность полиции. Не оспаривается утверждение о том, что заявитель находился под стражей в полиции в момент получения им телесных повреждений и что он обратился за медицинской помощью в связи со своими телесными повреждениями сразу же после его освобождения из-под стражи. Учитывая эти обстоятельства, следует предположить, что государство-

⁶⁴ См. сообщение № 269/2005, *Салем против Туниса*, решение, принятое 7 ноября 2007 года, пункт 16.4.

участник несет ответственность за нанесенный заявителю ущерб, если оно не представит убедительного альтернативного объяснения. Государство-участник не представило такого объяснения, и поэтому Комитет должен сделать вывод о том, что телесные повреждения нанесли заявителю полицейские. Комитет также принимает к сведению неоспоренные факты того, что задержание заявителя не было зарегистрировано, что ему не был предоставлен адвокат и доступ к независимому медицинскому обследованию⁶⁵. На основании подробных показаний, данных заявителем по поводу перенесенных им пыток, и медицинских заключений, подкрепляющих его утверждения, Комитет приходит к выводу о том, что факты в том виде, в котором они были изложены, представляют собой пытки по смыслу статьи 1 Конвенции и что государство-участник не выполнило свою обязанность предупреждать акты пыток и наказывать виновных в нарушение пункта 1 статьи 2 Конвенции (пункт 12.2 Решения).

Заявитель также утверждает, что не было проведено быстрое беспристрастное и эффективное расследование его утверждений о пытках, что виновные лица не были привлечены к ответственности и что его семья получала угрозы и подвергалась запугиваниям в нарушение статей 12 и 13 Конвенции. Комитет отмечает, что, хотя заявитель сообщил об актах пыток спустя несколько дней после случившегося, предварительное расследование было начато только через месяц и привело к отказу в возбуждении уголовного дела. После этого расследование несколько раз возобновлялось в ответ на обращения заявителя и прекращалось различными прокурорскими и следственными органами, и в результате расследование было закрыто, а на полицейских не была возложена уголовная ответственность за отсутствием доказательств (пункт 12.3 Решения).

Расследование было поручено отделению полиции (Южному ОВД), в котором имели место предполагаемые пытки, а после этого – вышестоящему над ним органу (Управлению собственной безопасности областного ДВД). Комитет напоминает о своей обеспокоенности по поводу того, что предварительное рассмотрение жалоб в отношении пыток и жестокого обращения со стороны сотрудников полиции осуществляется Управлением собственной безопасности, находящимся в той же системе подчинения, что и регулярные полицейские силы, в связи с чем такое рассмотрение не является беспристрастным⁶⁶ (пункт 12.4 Решения).

⁶⁵ Комитет выразил обеспокоенность по поводу недостаточных гарантий предупреждения пыток при содержании под стражей в своих заключительных замечаниях по второму периодическому докладу государства участника (CAT/C/KAZ/CO/2, пункт 9).

⁶⁶ См. заключительные замечания Комитета по Казахстану, CAT/C/KAZ/CO/2, пункт 24.

Комитет отмечает, что предварительное расследование было начато через месяц после заявленных фактов пыток, а медицинское обследование заявителя было проведено только 23 апреля 2007 года, через три недели после его выписки из больницы. Экспертиза одежды, которая была на заявителе и обвиняемых в пытках полицейских, была проведена лишь 16 июля 2007 года, т.е. более чем через три месяца после предполагаемых пыток, в связи с чем результаты экспертизы были искажены, поскольку одежда полицейских была выстирана. Комитет также отмечает, что расследование в основном опиралось на показания полицейских, которые отрицали какую-либо причастность к пыткам, при этом мало значения придавалось согласующимся между собой показаниям заявителя и неоспоренным медицинским заключениям, документально подтверждающим причиненные ему повреждения. Кроме того, несмотря на то, что в ходе возобновленного в декабре 2010 года расследования заявитель на многочисленных допросах подтвердил свои показания, и несмотря на сделанный Генеральной прокуратурой в ее решении от 6 декабря 2010 года вывод о том, что утверждения были обоснованными и подкреплялись медицинскими данными и показаниями свидетелей, расследование было прекращено в феврале 2011 года без предъявления виновным обвинений в уголовном преступлении или предоставления каких-либо средств правовой защиты заявителю (пункт 12.5 Решения).

Комитет также принимает к сведению утверждения заявителя о том, что во время расследования его дела в 2007 году он и его семья сталкивались с угрозами, попытками его подкупить, чтобы он отозвал свою жалобу, и что тактика запугивания, включая проведение против его воли судебно-психиатрической экспертизы и давление на его семью в целях убедить его отказаться от своих утверждений, также сопровождала возобновленное расследование в 2010–2011 годах. Государство-участник не представило никакой информации в связи с этими утверждениями, за исключением полного отрицания применения какого-либо давления или запугивания по отношению к заявителю. Комитет отмечает, что заявитель сообщил об актах запугивания в областную прокуратуру в июне 2007 года и что по данным жалобам так и не было предпринято никаких действий. Он также отмечает, что данные утверждения согласуются с выводами Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания о существовании в Казахстане тенденции и практики запугивания подателей жалобы на

пытки⁶⁷. Учитывая судебно-психиатрическую экспертизу, проведенную против воли заявителя во время возобновленного расследования, давление, оказанное на его семью, чтобы убедить его отказаться от своих заявлений, и случаи запугивания, которые имели место в 2007 году, Комитет считает, что письма, составленные в феврале 2011 года, в которых заявитель отказался от услуг своего адвоката, а затем отказался давать дальнейшие показания, отказался от своих предыдущих утверждений и заявил, что у него не имеется претензий к полиции, не могут считаться свободным и добровольным согласием, данным без какого-либо запугивания или принуждения (пункт 12.6 Решения).

В свете вышеуказанных выводов и на основании рассмотренных им материалов Комитет делает вывод о том, что государство-участник не выполнило свое обязательство по проведению быстрого, беспристрастного и эффективного расследования утверждений о пытках и предпринятию шагов по обеспечению защиты его и его семьи как главных свидетелей от запугиваний, явившихся следствием их жалоб и показаний в ходе расследования, в нарушение статей 12 и 13 Конвенции (пункт 12.7 Решения).

Что касается предполагаемого нарушения статьи 14 Конвенции, то Комитет отмечает отсутствие возражений против того, что невозбуждение уголовного дела лишило заявителя возможности предъявить гражданский иск с требованием компенсации, поскольку в соответствии с внутренним законодательством право на компенсацию за пытки возникает только после вынесения судом обвинительного приговора виновным должностным лицам по уголовному делу (пункт 12.8 Решения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что рассмотренные им факты указывают на нарушения статьи 1 в совокупности с пунктом 1 статьи 2 и статей 12, 13, 14 и 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (пункт 13 Решения).

Сообщение: *Оскарц Гальястех Содуп против Испании.* Сообщение № 453/2011. Решение, принятое Комитетом 23 мая 2012 года.

⁶⁷ См. доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания Манфреда Новака о его миссии в Казахстан, [A/HRC/13/39/Add.3](#), пункты 51 и 59.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Заявитель утверждает, что он стал жертвой нарушения статьи 12 Конвенции, поскольку представленные им судам утверждения о том, что он подвергся пыткам и жестокому обращению в период его содержания под стражей в условиях строгой изоляции, не привели к быстрому, независимому и беспристрастному расследованию. Государство-участник указало, что суды надлежащим образом расследовали обстоятельства дела и изучили медицинские заключения, сделанные в период его содержания под стражей, но не нашли достаточных доказательств факта применения пыток. Комитет отмечает, что заявитель подал жалобу на пытки и жестокое обращение, которую рассмотрел следственный суд № 2 Витории-Гастейса. На основе медицинских заключений судмедэкспертов, которые не подтвердили утверждения заявителя, суд постановил прекратить судопроизводство. Впоследствии Провинциальный высокий суд Алавы отклонил апелляцию заявителя также на основании медицинских заключений судмедэкспертов. Комитет также отмечает, что заявитель просил изучить дополнительные доказательства, но его просьба не была удовлетворена судами, которые сочли это нецелесообразным. Комитет далее отмечает, что в ходе производства предварительного следствия в отношении заявителя в следственном комитете № 4 Национального высокого суда и последующего слушания по делу в этом суде заявитель сообщил, что его самообвинение стало следствием пыток и жестокого обращения, которым он подвергался. Ни информация, содержащаяся в имеющихся у Комитета материалах, ни замечания государства-участника не свидетельствуют о том, что суды приняли меры для расследования утверждений заявителя. В частности, для определения ответственности заявителя Национальный высокий суд изучил лишь имеющиеся у него следственные материалы, в том числе самообвинение заявителя. Верховный суд также не принял никаких мер в связи с утверждениями о пытках, содержащихся в поданной заявителем кассационной жалобе (пункт 7.2 Решения).

Комитет считает, что изложенные в предыдущем пункте факты свидетельствуют о том, что указанные в нем органы власти не провели должного расследования, что не соответствует обязательству государства согласно статье 12 Конвенции обеспечивать, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что была применена пытка. Комитет не видит в имеющихся у него материалах ничего, что могло бы оправдать отказ судов рассматривать другие доказательства, помимо медицинских заключений судмедэкспертов. Комитет считает рассмотрение таких дополнительных доказательств целесообразным, учитывая то, что, хотя медицинские

заклучения судмедэкспертов обычно имеют важное значение для установления факта совершения актов пыток, зачастую они бывают недостаточными и их необходимо сопоставлять с другими источниками информации⁶⁸. В связи с этим Комитет приходит к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статьи 12 Конвенции (пункт 7.3 Решения).

Заявитель утверждает, что он стал жертвой нарушения статьи 15 Конвенции, поскольку самообвиняющие показания, сделанные им под пытками в полицейском участке, были использованы в качестве доказательств, на основании которых ему был вынесен обвинительный приговор. Комитет отмечает, что в соответствии с указанным положением государство-участник должно обеспечивать, чтобы любое заявление, которое, как установлено, сделано под пытками, не использовалось в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства. Комитет полагает, что решения Национального высокого суда и Верховного суда свидетельствуют о том, что самообвинение заявителя имело существенное значение в судебном процессе по его делу. Тем не менее, Комитет считает, что заявитель не предоставил информацию, например в виде дополнительных медицинских справок, выданных по результатам запрошенных им обследований, или заявлений свидетелей, которая позволила бы судам заключить, что его самообвинение было, по всей вероятности, сделано под пытками⁶⁹. В связи с этим Комитет приходит к выводу о том, что имеющаяся у него информация не свидетельствует о нарушении статьи 15 Конвенции (пункт 7.4 Решения).

Заявитель утверждает, что он стал жертвой нарушения статьи 14, поскольку государство-участник должно было принять меры для возмещения причиненного ему ущерба в результате пыток. В отношении этой жалобы Комитет также считает, что предоставленной заявителем информации, как указано в предыдущем пункте, недостаточно для того, чтобы он мог заключить, что его самообвинение, по всей вероятности, было сделано под пытками. В этой связи Комитет приходит к выводу о том, что имеющаяся у него информация не свидетельствует о нарушении статьи 14 Конвенции (пункт 7.5 Решения).

⁶⁸ См. сообщение № 59/1996, *Бланко Абад против Испании*, решение от 14 мая 1998 года, пункт 8.8. См. также замечание общего порядка № 32 (2007) Комитета по правам человека о равенстве перед судами и трибуналами и праве каждого на справедливое судебное разбирательство (статья 14 Пакта) (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят вторая сессия, Дополнение № 40*, том. I [A/62/40 (том I)], приложение VI), пункт 41.

⁶⁹ Сообщение № 219/2002, *Г.К. против Швейцарии*, решение от 7 мая 2003 года, пункт 6.11.

Выводы Комитета: Комитет против пыток считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 12 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (пункт 8 Решения).

Сообщение: *Фату Сонко против Испании.* Сообщение № 368/2008. Решение, принятое Комитетом 25 ноября 2011 года.

Тема сообщения: жестокое обращение со стороны государственных должностных лиц; отказ во въезде в страну.

Вопросы существа: пытки и жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что описанные события произошли в марокканских водах, что лица, подобранные экипажем, были высажены недалеко от берега, что гвардейцы не прокалывали плавучие средства г-на Сонко и его спутников и что на помощь г-н Сонко пришли гвардейцы, пытавшиеся реанимировать его. Кроме того, Комитет принимает к сведению утверждения автора сообщения об очевидной причинно-следственной связи между гибелью г-на Сонко и действиями гвардейцев, поскольку на борту патрульного судна г-н Сонко пребывал в добром здравии, а уже на пляже его состояние стало критическим и он скончался (пункт 10.1 Решения).

Комитет напоминает, что в функции Комитета не входит оценка доказательств или пересмотр заявлений, сделанных относительно фактических обстоятельств и компетентности национальных органов. Комитет отмечает, что версии событий, представленные государством-участником и автором сообщения, отличаются. Тем не менее обе стороны сходятся в том, что г-н Сонко и трое других пловцов были перехвачены судном Гражданской гвардии и подняты на борт судна живыми. Кроме того, обе стороны указывают, что на берегу состояние г-на Сонко ухудшилось и что он скончался, несмотря на попытки его реанимировать (пункт 10.2 Решения).

Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 2, согласно которому юрисдикция государства-участника распространяется на любую территорию, где государство-участник прямо или косвенно, полностью или частично осуществляет де-юре или де-факто

эффективный контроль в соответствии с международным правом⁷⁰. Такое толкование понятия юрисдикции применимо не только к статье 2, но и ко всем положениям, содержащимся в Конвенции, включая статью 22⁷¹. В данном случае Комитет отмечает, что контроль над лицами на борту сохраняли сотрудники Гражданской гвардии и в этом качестве несли ответственность за их безопасность (пункт 10.3 Решения).

Комитет считает, что именно государству-участнику надлежит объяснить обстоятельства смерти г-на Сонко с учетом того, что на судно его подняли живым. Комитет также считает, что независимо от того, прокололи ли гвардейцы надувное плавучее средство г-на Сонко, и от того, на каком расстоянии от берега он был высажен, он оказался в обстоятельствах, приведших к его смерти. Что касается правового определения обращения, которому подвергся г-н Сонко 26 сентября 2007 года, то Комитет считает, что причиненные ему перед смертью физические и психологические страдания, усугубленные его уязвимым положением мигранта, хотя и не представляют собой нарушения статьи 1 Конвенции, все же достигают порога жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания по смыслу статьи 16 Конвенции (пункт 10.4 Решения).

Комитет отмечает, что государство-участник уведомило родственника жертвы о процедуре расследования обстоятельств смерти спустя 16 месяцев после ее начала. Кроме того, он отмечает, что автор сообщения (и/или иной член семьи) не выступил в качестве стороны судебного разбирательства (пункт 10.6 Решения).

Комитет считает, что участие автора сообщения (и/или иного члена семьи) в качестве стороны разбирательства не было обязательным условием для выполнения обязательства государства-участника по статье 12 и что обязательство проводить расследование при наличии подозрения на жестокое обращение носит в соответствии с Конвенцией абсолютный характер и ложится на государство (пункт 10.6 Решения).

Расследование обстоятельств дела началось 28 сентября 2007 года и было окончательно прекращено 12 мая 2009 года, при этом оперативного и беспристрастного расследования проведено не было. В

⁷⁰ Замечание общего порядка № 2 Комитета против пыток, касающееся имплементации статьи 2 Конвенции государствами-участниками, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят третья сессия*, Дополнение № 44 (A/63/44), приложение VI, пункт 16.

⁷¹ См. Сообщение № 323/2007, *X.I.A. против Испании*, решение от 10 ноября 2008 года, пункт 8.2.

связи с этим Комитет считает, что проведенное властями государства-участника расследование не отвечает требованиям статьи 12 Конвенции (пункт 10.7 Решения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статей 12 и 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (пункт 10.8 Решения).

Сообщение: *Дмитро Слюсар против Украины.* Сообщение № 353/2008. Решение, принятое Комитетом 14 ноября 2011 года.

Предмет сообщения: жестокое обращение в условиях содержания под стражей.

Вопрос существа: пытки, непроведение оперативного и беспристрастного расследования.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что заявитель указывает на нарушение пункта 1 статьи 2 Конвенции на том основании, что государство-участник не выполнило свою обязанность предупреждать акты пыток и наказывать виновных. Комитет также принимает к сведению его утверждение о том обращении, которому он подвергся, находясь под стражей, представленные заявителем медицинские справки, в которых описываются нанесенные ему травмы, а также отсутствие правовых гарантий в ходе административного задержания. Государство-участник лишь заявило, что не существует связи между фактами, зафиксированными в заключении медицинского освидетельствования от 28 февраля 2006 года, докладом больницы Министерства внутренних дел от 4 мая 2006 года и возможным применением пыток в отношении заявителя. В отсутствие подробного разъяснения со стороны государства-участника и на основе представленной информации Комитет приходит к выводу о том, что представленные факты свидетельствуют о пытках по смыслу статьи 1 Конвенции и что государство-участник не выполнило свою обязанность предупреждать акты пыток и наказывать за их совершение в нарушение пункта 1 статьи 2 Конвенции (пункт 9.2 Решения).

Что касается заявлений о нарушении статьи 12 Конвенции, то Комитет отмечает, что, по утверждению заявителя, государство-участник не провело расследования его жалоб и что он подвергся пыткам во время содержания под стражей. Государство-участник не опровергло это заявление. Кроме того, апелляция заявителя в отношении бездействия

районной прокуратуры находилась на рассмотрении несколько лет, что подтвердило и государство-участник. В этих условиях Комитет вновь повторяет, что статья 12 Конвенции⁷² требует, чтобы государство-участник проводило быстрое и беспристрастное расследование во всех случаях, когда имеются разумные основания полагать, что был совершен акт пытки. В отсутствие любой другой информации Комитет считает, что государство-участник не выполнило свои обязанности согласно статье 12 Конвенции. Кроме того, государство-участник не выполнило свое обязательство согласно статье 13 Конвенции обеспечивать, чтобы заявитель имел право на предъявление компетентным органам жалобы и на быстрое и беспристрастное рассмотрение ими такой жалобы, а также обязательства по статье 14 предоставить ему как жертве пыток возмещение и компенсацию (пункт 9.3 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток считает, что государство-участник нарушило статью 1, пункт 1 статьи 2, статью 12, статью 13 и статью 14 Конвенции (пункт 9.4 Решения).

⁷² Сообщение № 8/1991, *Халимати-Наджиби против Австрии*, мнения, принятые 18 ноября 1993 года, пункт 13.5.

Замечания общего порядка, принятые Комитетом

Замечание общего порядка № 1 - Осуществление статьи 3 Конвенции⁷³ в контексте статьи 22

С учетом требований пункта 4 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, в котором говорится, что Комитет против пыток "рассматривает полученные в соответствии со статьей 22 сообщения в свете всей информации, представленной ему данным лицом или от его имени и соответствующим Государством-участником", с учетом необходимости, обусловленной применением пункта 3 правила 111 правил процедуры Комитета (CAT/C/3/Rev.2), и с учетом необходимости разработки руководящих принципов осуществления статьи 3 на основании процедуры, предусмотренной в статье 22 Конвенции, Комитет против пыток на 317-м заседании, состоявшемся 21 ноября 1997 года на его девятнадцатой сессии, принял следующее замечание общего порядка в качестве руководства для государств-участников и авторов сообщений:

Содержится в документе A/53/44, приложение IX.

1. Применение статьи 3 ограничивается случаями, когда существуют серьезные основания полагать, что автору может угрожать применение пыток, определение которых содержится в статье 1 Конвенции.
2. Комитет считает, что употребляемое в статье 3 выражение "другое государство" означает государство, куда высылается, возвращается или выдается соответствующее лицо, а также любое государство, куда автор может быть впоследствии выслан, возвращен или выдан.
3. В соответствии со статьей 1 упомянутый в пункте 2 статьи 3 критерий, предполагающий наличие "постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека", относится лишь к тем нарушениям, которые совершаются государственными должностными лицами или иными лицами, выступающими в официальном качестве, либо по их подстрекательству, с их ведома или с молчаливого согласия.

Приемлемость

⁷³ В силу статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания «1. Ни одно государство - участник не должно высылать, возвращать (*refouler*) или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. 2. Для определения наличия таких оснований компетентные власти принимают во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая, в соответствующих случаях, существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека».

4. Комитет считает, что именно автор обязан обосновать *prima facie* дело для целей приемлемости его(ее) сообщения в соответствии со статьей 22 Конвенции, выполнив при этом каждое из требований правила 107 правил процедуры Комитета.

Существо дела

5. В связи с применением статьи 3 Конвенции к существу дела следует отметить, что бремя аргументированного изложения дела лежит на авторе, что предполагает подкрепление позиции автора достаточными фактическими материалами, позволяющими ему требовать ответа от государства-участника.

6. Ввиду того, что государство-участник и Комитет обязаны оценивать наличие серьезных оснований полагать, что автору может угрожать применение пыток в случае его/ее высылки, возвращения или выдачи, при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Вместе с тем при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности.

7. Автор должен показать, что ему/ей будет угрожать применение пыток, что основания для такого предположения носят серьезный характер с учетом

вышеизложенных принципов и что такая опасность угрожает лично автору и является реальной. Каждая из сторон может представлять по этому вопросу любую уместную информацию.

8. Уместной считается информация, касающаяся, в частности, следующих

вопросов:

а) Относится ли соответствующее государство-участник к числу государств, откуда поступает информация о существовании постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека (см. пункт 2 статьи 3)?

б) Подвергался ли автор пыткам или жестокому обращению со стороны государственных должностных лиц или иных лиц, выступающих в официальном качестве, либо по их подстрекательству, с их ведома или молчаливого согласия? Если да, то идет ли речь о недавнем прошлом?

с) Имеется ли информация из медицинских или иных независимых источников, подтверждающая заявление автора о том, что в прошлом его/ее подвергали пыткам или жестокому обращению? Имело ли применение пыток какие-либо последствия?

д) Изменилась ли ситуация, упоминаемая в пункте а) выше? Претерпело ли изменения положение в области прав человека в стране?

е) Занимался ли автор на территории или за пределами соответствующего государства политической или иной деятельностью,

которая могла бы поставить его/ее в особенно уязвимое положение с точки зрения опасности подвергнуться пыткам в случае его/ее высылки, возвращения или выдачи в соответствующее государство?

f) Существуют ли какие-либо доказательства, подтверждающие достоверность утверждений автора?

g) Имеются ли какие-либо фактические неувязки в заявлении автора? Если да, то насколько серьезными они являются?

9. Поскольку Комитет против пыток не относится к числу апелляционных, квазисудебных или административных органов, а является наблюдательным органом, учрежденным самими государствами-участниками и наделенным правом выносить

решения только рекомендательного характера, отсюда вытекает следующее:

a) при осуществлении полномочий в соответствии со статьей 3 Конвенции Комитет будет в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника,

b) Комитет не считает себя связанным такими заключениями и исходит из того, что в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу.

Замечание общего порядка № 2 - Имплементация статьи 2 государствами-участниками⁷⁴

1. В настоящем замечании общего порядка рассматриваются три части статьи 2,

в каждой из которых определяются отдельные взаимосвязанные и основополагающие принципы, лежащие в основе закрепленного в Конвенции абсолютного запрещения пыток. Со времени принятия Конвенции против пыток абсолютный и не допускающий никаких отступлений характер этого запрещения признается в качестве нормы международного обычного права. Положения статьи 2 закрепляют эту императивную норму *jus cogens* применительно к пыткам и составляют

⁷⁴ В силу статьи 2 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания «1. Каждое государство - участник предпринимает эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией. 2. Никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток. 3. Приказ вышестоящего начальника или государственной власти не может служить оправданием пыток».

основу правомочий данного Комитета в отношении применения эффективных средств предупреждения в ответ на изменяющиеся угрозы, проблемы и практику, включая, в частности, меры, которые предусмотрены в последующих статьях 3-16.

2. Пункт 1 статьи 2 обязывает каждое государство-участник принимать действия, укрепляющие запрещение пыток с помощью законодательных, административных, судебных или других мер, которые в конечном счете должны быть эффективными с точки зрения их предупреждения. В целях обеспечения принятия именно тех мер, о которых известно, что они предупреждают или карают любые акты пыток, в последующих статьях Конвенции излагаются обязательства, в соответствии с которыми государства-участники должны принимать предусмотренные в них меры.

3. Закрепленное в статье 2 обязательство предупреждать пытки имеет широкую сферу охвата. Обязательства в отношении предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее "жестокое обращение") в соответствии с пунктом 1 статьи 16 являются неделимыми, взаимозависимыми и взаимосвязанными. Обязательство предупреждать жестокое обращение на практике перекликается и в значительной мере совпадает с обязательством предупреждать пытки. В статье 16, где определены меры по предупреждению жестокого обращения, особое внимание обращается "в частности" на меры, изложенные в статьях 10-13, однако эффективное предупреждение не ограничивается этими статьями, как это разъяснил Комитет, например, в связи с вопросом о компенсации в контексте статьи 14. На практике граница между жестоким обращением и пытками нередко является размытой. Как показывает опыт, условия, приводящие к жестокому обращению, часто способствуют пыткам, и поэтому меры, необходимые для предупреждения пыток, должны применяться и для предупреждения жестокого обращения. Соответственно, Комитет исходит из того, что, согласно Конвенции, запрещение жестокого обращения, по всей видимости, носит не допускающий отступлений характер, а его предупреждение должно являться эффективной и не допускающей отступлений мерой.

4. Государства-участники обязаны устранять любые юридические или иные препятствия, мешающие искоренению пыток и жестокого обращения, а также принимать позитивные эффективные меры в целях обеспечения того, чтобы решительно пресекать такие акты и их повторение. Кроме того, государства-участники обязаны постоянно держать под наблюдением и совершенствовать принятое на основе Конвенции

национальное законодательство в соответствии с заключительными замечаниями и соображениями, принятыми Комитетом по индивидуальным сообщениям. В том случае, если принятые

государством-участником меры не достигают цели, заключающейся в искоренении актов пыток, Конвенция предписывает им пересмотреть и/или принять новые, более эффективные меры. Аналогичным образом определение Комитетом понятия "эффективные меры" и соответствующие рекомендации находятся в процессе постоянной эволюции, равно как и, к прискорбию, формы пыток и жестокого обращения.

II. Абсолютное запрещение

5. Пункт 2 статьи 2 предусматривает, что запрещение пыток носит абсолютный характер и не допускает отступлений. В нем подчеркивается, что никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, не могут использоваться государством-участником для оправдания актов пыток на любой территории под его юрисдикцией. К числу таких обстоятельств согласно Конвенции относятся состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение. Это включает любую угрозу террористических актов или насильственных преступлений, а также вооруженные конфликты международного или немеждународного характера. Комитет выражает серьезную обеспокоенность и категорически отвергает любые попытки государств оправдывать пытки или жестокое обращение тем, что они служат средством защиты государственной безопасности или предотвращения чрезвычайных ситуаций в этих и в любых других обстоятельствах. Аналогичным образом он отвергает любые оправдания со ссылкой на религию или традиции, которые могут вести к нарушениям этого абсолютного запрета. Комитет считает, что амнистии или другие юридические препятствия, исключающие и свидетельствующие о нежелании обеспечить своевременное и правомерное судебное преследование и наказание лиц, виновных в совершении пыток или жестоком обращении, нарушают принцип недопустимости отступления от соответствующих норм.

6. Комитет напоминает всем государствам - участникам Конвенции о не допускающем отступлений характере обязательств, которые они взяли на себя, ратифицировав Конвенцию. После событий 11 сентября 2001 года Комитет уточнил, что обязательства, закрепленные в статьях 2 ("никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были... не могут служить оправданием пыток"), 15 (запрет на использование в качестве доказательства признаний, которые, как установлено, были сделаны под пытками, за исключением случаев, когда они используются против лица, обвиняемого в совершении пыток) и 16 (запрещение жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания), являются тремя нормами, которые "надлежит соблюдать во всех обстоятельствах"¹. Комитет считает, что статьи 3-15 являются в равной степени обязательными применительно как к пыткам, так и к

жестокому обращению. Комитет признает, что государства-участники могут выбирать меры для целей выполнения этих обязательств, если эти меры являются эффективными и соответствуют объекту и цели Конвенции.

7. Комитет также полагает, что понятие "любая территория под его юрисдикцией", связанное с принципом недопустимости отступлений, включает любую территорию или любые объекты и должно применяться без какой-либо дискриминации в целях защиты любых лиц, граждан или неграждан, находящихся де-юре или де-факто под контролем того или иного государства-участника. Комитет подчеркивает, что обязательство государства предупреждать пытки распространяется также на всех лиц, которые действуют де-юре или де-факто от имени государства-участника, совместно с ним или по его указанию. Крайне необходимо, чтобы каждое государство-участник осуществляло строгий контроль за деятельностью своих должностных лиц или субъектов, действующих от его имени, и выявляло и доводило до сведения Комитета любые случаи пыток или жестокого обращения, имевшие место вследствие осуществления, среди прочего, антитеррористических мероприятий, и информацию о мерах, принимаемых для расследования, наказания и предупреждения новых случаев пыток или жестокого обращения в будущем с уделением особого внимания не одной только юридической ответственности прямых преступников и должностных лиц в системе подчинения, вытекающей из актов подстрекательства, согласия или попустительства.

III. Содержание обязательства принимать эффективные меры по предупреждению пыток

8. Государства-участники должны квалифицировать применение пыток в качестве преступления в соответствии со своим уголовным правом, исходя, как минимум, из элементов определения пытки, содержащегося в статье 1 Конвенции, и предписаний статьи 4.

9. Серьезные расхождения между определением, содержащимся в Конвенции, и определением, включенным во внутреннее право, открывают реальные или потенциальные лазейки для безнаказанности. В некоторых случаях, даже при использовании аналогичной формулировки, такая формулировка может иметь несколько иной смысл во внутреннем праве или в силу толкования, данного судебными органами, в связи с чем Комитет призывает каждое государство-участник обеспечить, чтобы все ветви власти придерживались определения, которое дано в Конвенции, для определения лежащих на государстве обязательств. В то же время Комитет признает, что более широкие определения, которые могут существовать во внутренних правовых системах, также способствуют достижению задач и целей Конвенции, если они, как минимум, отражают стандарты Конвенции и применяются в соответствии с ними. В частности, Комитет особо

отмечает, что для установления признаков намерения и умысла в статье 1 нет необходимости проводить субъективное выявление мотивов, которыми руководствовались исполнители; вместо этого необходимо дать объективное заключение с учетом существующих обстоятельств. Надлежит проводить расследования и устанавливать ответственность лиц, входящих в систему подчинения, а также непосредственного исполнителя (исполнителей).

10. Комитет признает, что большинство государств-участников квалифицируют или определяют в своих уголовных кодексах определенные виды поведения в качестве жестокого обращения. Жестокое обращение может отличаться от пыток степенью боли и страданий и не требует доказательств относительно недопустимости целей. Комитет подчеркивает, что возбуждение преследования в связи с действиями, квалифицируемыми лишь в качестве жестокого обращения, при том, что этим действиям присущи еще и элементы пытки, явилось бы нарушением Конвенции.

11. Определяя преступление, состоящее в применении пыток, как отличающееся от обычного посягательства или других преступлений, Комитет исходит из того, что

государства-участники будут непосредственно расширять всеохватывающую цель Конвенции - предупреждение пыток и жестокого обращения. Обозначение и определение этого преступления содействуют достижению цели Конвенции, в частности, обращая внимание каждого человека, включая преступников, жертвы и общественность, на особую тяжесть преступления, состоящего в применении пыток. Кодификация этого преступления будет также а) подчеркивать необходимость надлежащего наказания, соответствующего тяжести совершенного преступления, б) усиливать сдерживающее воздействие самого запрещения, с) расширять возможности ответственных должностных лиц отслеживать конкретные преступления в форме применения пыток и д) наделять общественность средствами и правами осуществлять наблюдение и, в случае необходимости, оспаривать как действия, так и бездействие государства, которые представляют собой нарушение Конвенции.

12. Рассматривая периодические доклады государств-участников и индивидуальные сообщения и наблюдая за происходящими изменениями, Комитет формулирует в своих заключительных замечаниях свое понимание того, что представляют собой эффективные меры, важные аспекты которого излагаются ниже. С учетом как общеприменимых принципов статьи 2, так и тенденций, вытекающих из отдельных статей Конвенции, Комитет рекомендует конкретные действия, направленные на повышение способности каждого государства-участника быстро и эффективно осуществлять необходимые и надлежащие меры для предупреждения актов пыток и жестокого,

бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, которые, таким образом, оказывают государствам-участникам помощь в приведении их законодательства и практики в полное соответствие с положениями Конвенции.

13. Некоторые базовые гарантии применяются ко всем лицам, лишенным свободы. Некоторые из них перечислены в Конвенции, и Комитет постоянно призывает государства-участники использовать эти гарантии. Рекомендации Комитета в отношении эффективных мер нацелены на разъяснение современных основополагающих аспектов и не являются исчерпывающими. Такие гарантии включают, в частности, ведение официального реестра содержащихся под стражей лиц, право содержащихся под стражей лиц быть информированными о своих правах, право оперативно получать независимую юридическую помощь, независимую медицинскую помощь и вступать в контакт с родственниками, потребность в наличии беспристрастных судебных механизмов для инспектирования и посещения мест содержания под стражей и мест лишения свободы и обеспечение доступа содержащихся под стражей лиц и лиц, рискующих подвергнуться пыткам или жестокому обращению, к судебным и иным средствам правовой защиты, гарантирующим своевременное и беспристрастное рассмотрение их жалоб, защиту их прав и оспаривание законности содержания под стражей или примененного обращения.

14. Опыт, накопленный после вступления Конвенции в силу, углубил понимание Комитетом сферы охвата и характера запрещения пыток, методов применения пыток, условий, в которых они применяются, и последствий их применения, а также претерпевающих изменения эффективных мер по предупреждению пыток в различных ситуациях. Так, например, Комитет подчеркнул важность наличия охранников того же пола в том случае, когда речь идет о неприкосновенности частной жизни. Поскольку появляются, опробуются и признаются эффективными все новые и новые методы предупреждения (например, видеозапись всех допросов, применение следственных процедур, предусмотренных, в частности, в Стамбульском протоколе 1999 года, а также разработка новых форм информирования общественности о мерах по защите несовершеннолетних), статья 2 позволяет опираться на остальные статьи и расширять сферу охвата мер, необходимых для предупреждения пыток.

IV. Сфера действия обязательств и ответственности государств

15. Конвенция налагает обязательства на государства-участники, а не на частных лиц. Государства несут международную ответственность за действия или бездействие своих должностных лиц и других лиц, включая сотрудников различных учреждений, частных подрядчиков и других субъектов, выступающих в официальном качестве или действующих от имени государства, совместно с государством или в

ином качестве под прикрытием закона. Соответственно каждое государство-участник должно запрещать и предупреждать пытки и жестокое обращение и предусматривать в этой связи соответствующее возмещение в любых ситуациях, связанных с содержанием лиц под стражей или под надзором, например в тюрьмах, в больницах, в школах, в учреждениях по уходу за детьми, престарелыми, психически больными или инвалидами, на военной службе и в других учреждениях, а также в обстоятельствах, когда невмешательство государства провоцирует и повышает угрозу ущерба, причиняемого частными лицами. Вместе с тем Конвенция не ограничивает международную ответственность, которая может быть возложена на государство или отдельных лиц за совершение пыток и жестокого обращения в соответствии с международным договорным правом и другими международными договорами.

16. Пункт 1 статьи 2 предписывает каждому государству-участнику принимать эффективные меры для предупреждения пыток не только на его суверенной территории, но и "на любой территории под его юрисдикцией". Комитет отмечает, что выражение

²Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

"любая территория" включает все районы, где государство-участник прямо или косвенно, полностью или частично осуществляет де-юре или де-факто эффективный контроль в соответствии с международным правом. Ссылка на "любую территорию", содержащаяся в статье 2, а также в статьях 5, 11, 12, 13 и 16, касается запрещенных актов, совершаемых не только на борту морского или воздушного судна, зарегистрированного в соответствующем государстве-участнике, но и во время военной оккупации или операций по поддержанию мира, и в таких местах, как посольства, военные базы, места лишения свободы или другие места, над которыми государство осуществляет фактический или эффективный контроль. Комитет отмечает, что такое толкование усиливает пункт 1 b) статьи 5, который требует, чтобы государство-участник принимало меры по осуществлению юрисдикции, "когда предполагаемый преступник является гражданином данного государства". Комитет полагает, что понятие "территория" по смыслу статьи 2 должно также охватывать ситуации, когда государство-участник осуществляет прямо или косвенно, де-факто или де-юре контроль над лицами, содержащимися под стражей.

17. Комитет отмечает, что государства-участники обязаны принимать эффективные меры с целью воспрепятствовать представителям государственных органов и иным лицам, выступающим в официальном качестве, непосредственно совершать, подстрекать, побуждать, поощрять, попустительствовать или иным образом участвовать или соучаствовать в актах пыток, определение которых содержится в

Конвенции. Таким образом, государства-участники должны принимать эффективные меры, с тем чтобы воспрепятствовать представителям таких органов или иным лицам, выступающим в официальном качестве или под прикрытием закона, мириться или молчаливо соглашаться с любыми актами пыток. Комитет заключает, что государства-участники нарушают Конвенцию, если они не выполняют эти обязательства. Так, например, если центры содержания под стражей находятся в частной собственности или управляются частными лицами, то Комитет исходит из того, что их сотрудники действуют в качестве официальных должностных лиц, поскольку им поручено выполнять государственные функции без отступления от обязанности государственных должностных лиц осуществлять контроль и принимать все эффективные меры для предупреждения пыток и жестокого обращения.

18. Комитет четко оговорил, что если государственные органы или другие лица, выступающие в официальном качестве или под прикрытием закона, знают или имеют разумные основания предполагать, что их государственные должностные лица или частные субъекты применяют пытки или жестокое обращение, и при этом не проявляют должного усердия для целей предупреждения, расследования, привлечения к ответственности и наказания таких негосударственных должностных лиц или частных субъектов в соответствии с Конвенцией, то государство несет за это ответственность, а

его должностные лица несут прямую, косвенную или иную ответственность в соответствии с Конвенцией за согласие или попустительство, имевшее следствием такие недопустимые акты. Поскольку не проявление государством надлежащего усердия в форме вмешательства для целей пресечения пыток, наказания виновных и восстановления прав жертв поощряет и допускает безнаказанное совершение негосударственными субъектами недопустимых по Конвенции действий, безразличие или бездействие государства является одной из форм поощрения и/или де-факто разрешения. Комитет применяет этот принцип к непринятию государствами-участниками мер по предотвращению насилия по гендерному признаку, включая изнасилование, бытовое насилие, калечение женских половых органов и торговлю людьми, и по обеспечению защиты жертв.

19. Кроме того, если то или иное лицо подлежит переводу или направлению под стражу или под надзор какому-либо лицу или в учреждение, о котором известно, что оно причастно к пыткам или жестокому обращению, или которое не соблюдает надлежащих гарантий, то ответственность за это несет государство, а его должностные лица подлежат наказанию за то, что они распорядились о таком переводе, разрешили его или участвовали в нем в нарушение обязательства государства принимать эффективные меры по предупреждению пыток в соответствии с пунктом 1 статьи 2. Комитет

выражает обеспокоенность по поводу ситуации, когда государства-участники направляют лиц в такие места без осуществления надлежащих процессуальных действий, как того требуют статьи 2 и 3.

V. Защита лиц и групп, ставших уязвимыми в результате дискриминации и маргинализации

20. Принцип недискриминации является основополагающим и общим принципом в рамках защиты прав человека и имеет определяющее значение для толкования и применения Конвенции. Недискриминация предусмотрена в самом определении пыток в пункте 1 статьи 1 Конвенции, который однозначно запрещает конкретные действия, когда они совершаются по "любой причине, основанной на дискриминации любого характера...". Комитет подчеркивает, что дискриминационное применение психологического или физического насилия или жестокого обращения является важным фактором в определении того, можно ли квалифицировать то или иное деяние в качестве пытки.

21. Частью обязательства по предупреждению пыток или жестокого обращения является защита некоторых лиц или слоев населения, принадлежащих к меньшинствам или маргинализированным группам, которым особенно серьезно угрожают пытки. Государствам-участникам надлежит обеспечить, чтобы в соответствии с вытекающими из Конвенции обязательствами их законы применялись на практике в отношении всех лиц, независимо от расы, цвета кожи, этнического происхождения, возраста, религиозных убеждений и вероисповедания, национального или социального происхождения, пола, сексуальной ориентации, трансгендерной самоидентификации, психических или иных расстройств, состояния здоровья, участия в экономической деятельности или принадлежности к коренным народам, вида преступления, за которые лицо содержится под стражей, включая лиц, обвиняемых в политических преступлениях или террористических актах, лиц, ищущих убежища, беженцев или других лиц, нуждающихся в международной защите, или какого-либо иного статуса или неблагоприятного признака. В этой связи государствам-участникам следует обеспечить защиту членов групп, которым особенно серьезно угрожают пытки, посредством всестороннего судебного преследования и наказания за любые акты насилия и жестокого обращения в отношении этих лиц и применения других позитивных мер по предупреждению и защите, включая, в частности, меры, перечисленные выше.

22. В докладах государств зачастую не хватает конкретной и достаточной информации об осуществлении Конвенции в отношении женщин. Комитет подчеркивает, что гендер является одним из ключевых факторов. Принадлежность к женскому полу в сочетании с другими отличительными особенностями или статусом человека, такими, как раса, гражданство, религия, сексуальная ориентация, возраст,

иммиграционный статус и т. д., это факторы, помогающие определить, в каких именно ситуациях женщины и девочки подвергаются пыткам или жестокому обращению или угрозе таких актов или страдают от их последствий. К числу ситуаций, которые ставят женщин в уязвимое положение, относятся лишение свободы, медицинское обслуживание, в частности в связи с принятием решений, затрагивающих репродуктивное здоровье, или насилие со стороны членов общин и семей. Мужчины также становятся жертвами нарушения некоторых гендерных положений Конвенции, т. е. жертвами таких актов, как изнасилование, сексуальное насилие или жестокое обращение. Как мужчины и женщины, так и мальчики и девочки могут быть жертвами нарушения Конвенции в силу их фактического или предполагаемого несоответствия социально детерминированной гендерной роли. Государствам-участникам предлагается сообщать в их докладах о подобных ситуациях и о мерах, принимаемых для их предотвращения или наказания виновных.

23. В силу этого одним из важнейших компонентов эффективных мер является постоянная оценка. Комитеты регулярно рекомендуют государствам-участникам включать в свои доклады данные в разбивке по признаку возраста, пола и другим ключевым позициям, чтобы Комитет мог адекватно оценить осуществление Конвенции. Дезагрегированные данные позволяют государствам-участникам и Комитету определять, сопоставлять и принимать меры по защите от дискриминационного обращения, которое в противном случае может остаться незамеченным и не принятым во внимание. Государствам-участникам предлагается, по мере возможности, представлять информацию о факторах, влияющих на применение и предупреждение пыток или жестокого обращения, а также о трудностях, возникающих в процессе предупреждения пыток или жестокого обращения в отношении конкретных групп населения, таких, как меньшинства, жертвы пыток, дети и женщины, с учетом тех общих и особых форм, которые могут принимать пытки и жестокое обращение.

24. Искоренение дискриминации в сфере занятости и проведение на постоянной основе просветительских кампаний на предмет того, в каких ситуациях может возникнуть угроза пыток или жестокого обращения, также относятся к числу ключевых аспектов предупреждения таких нарушений и пропаганды в обществе культуры уважения прав женщин и меньшинств. Государствам предлагается поощрять прием на работу представителей меньшинств и женщин, в частности, в медицинские и образовательные учреждения, в тюрьмы/центры содержания под стражей, в правоохранительные, судебные и юридические инстанции, как в государственном, так и в частном секторах. Государствам-участникам следует включать в свои доклады информацию о достигнутом ими в этих областях прогрессе в разбивке по признаку пола, расы, национального происхождения и иного соответствующего статуса.

VI. Другие превентивные меры, предписываемые Конвенцией

25. В статьях 3-15 Конвенции излагаются конкретные превентивные меры, которые государства-участники сочли крайне важными для целей предупреждения пыток и жестокого обращения, в частности в условиях задержания и лишения свободы. Комитет подчеркивает, что обязательство принимать эффективные превентивные меры выходит за рамки предписаний, конкретно оговоренных в Конвенции, и за рамки настоящего замечания общего порядка. Так, например, важно, чтобы население в целом получало знания об истории, сфере охвата и необходимости не допускающего отступления принципа запрещения пыток и жестокого обращения и чтобы персонал правоохранительных и других органов проходил подготовку по вопросам выявления и предупреждения случаев применения пыток и жестокого обращения. Аналогичным образом, в свете накопленного им богатого опыта в деле рассмотрения и оценки сообщений государств об официально применяемых или санкционированных пытках или видах жестокого обращения Комитет признает важное значение адаптации концепции мониторинга, проводимого с целью предотвращения пыток и жестокого обращения, к ситуациям, когда насилие совершается частными лицами. Государствам-участникам надлежит включать в свои доклады Комитету подробную информацию об осуществлении ими превентивных мер в разбивке по соответствующим признакам.

VII. Приказы вышестоящего начальника

26. Недопустимость отступления от принципа запрещения пыток подтверждается уже давно признанной и закрепленной в пункте 3 статьи 2 нормой, согласно которой приказы вышестоящего начальника или государственной власти не могут ни при каких обстоятельствах служить оправданием пыток. Таким образом, подчиненные не могут ссылаться на приказы вышестоящего начальника и должны нести индивидуальную ответственность. В то же время лица, облеченные высокими полномочиями, включая государственных должностных лиц, не могут являться неподотчетными или уклоняться от уголовной ответственности за акты пыток или жестокого обращения, совершенные их подчиненными, когда они знали или должны были знать о том, что эти недопустимые акты совершаются или могут совершиться, но не приняли никаких разумных и необходимых превентивных мер. Комитет считает крайне важным, чтобы вопрос об ответственности любых высокопоставленных должностных лиц либо за непосредственное подстрекательство к пыткам или жестокому обращению, либо за побуждение к ним, либо за согласие с этими актами или попустительство им полностью расследовался компетентными, независимыми и беспристрастными органами уголовного преследования и судами. Лица, которые отказываются выполнять незаконные, по их мнению, приказы и

которые сотрудничают в рамках расследования актов пыток или жестокого обращения, совершенных в том числе высокопоставленными должностными лицами, должны быть защищены от любых форм репрессий.

27. Комитет вновь заявляет, что настоящее замечание общего порядка следует толковать без ущерба для любой более высокой степени защиты, предусмотренной в том или ином международном договоре или национальном законе, если они отражают как минимум стандарты, закрепленные в Конвенции.

Замечание общего порядка № 3 (2012)

Осуществление статьи 14⁷⁵ государствами-участниками

1. В настоящем замечании общего порядка содержатся предназначенные для государств-участников разъяснения и уточнения относительно содержания и сферы охвата обязательств по статье 14 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. От каждого государства-участника требуется "обеспечить в своей правовой системе, чтобы жертва пыток получала возмещение и имела подкрепляемое правовой санкцией право на справедливую и адекватную компенсацию, включая средства для возможно более полной реабилитации". Комитет считает, что статья 14 применима ко всем жертвам пыток и актов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (далее ? "жестокого обращения") без дискриминации по какому бы то ни было признаку в соответствии с замечанием общего порядка № 2 Комитета.

2. Комитет считает, что термин "возмещение" в статье 14 охватывает понятия "эффективного средства правовой защиты" и "восполнения". Соответственно, всеобъемлющая концепция восполнения влечет за собой реституцию, компенсацию, восстановление, удовлетворение и гарантии неповторения и относится ко всему комплексу необходимых мер для обеспечения возмещения в случае нарушений согласно Конвенции.

3. Жертвами являются лица, которые отдельно или совместно пострадали от причиненного им вреда, включая физические или

⁷⁵ В силу статьи 14 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания «1. Каждое государство - участник обеспечивает в своей правовой системе, чтобы жертва пыток получала возмещение и имела подкрепляемое правовой санкцией право на справедливую и адекватную компенсацию, включая средства для возможно более полной реабилитации. В случае смерти жертвы в результате пытки право на компенсацию предоставляется его иждивенцам. 2. Ничто в настоящей статье не затрагивает любого права жертвы или других лиц на компенсацию, которое может существовать согласно национальному законодательству».

душевные травмы, эмоциональные страдания, экономический ущерб или существенное ущемление их основных прав, в результате действий или бездействия, составляющих нарушение положений Конвенции. Лицо должно признаваться жертвой вне зависимости от того, был ли установлен, задержан, подвержен преследованию или признан виновным тот, кто совершил нарушение, и вне зависимости от наличия семейных или иных связей между лицом, совершившим нарушение, и жертвой. Термин "жертва" также включает затрагиваемых ближайших родственников или иждивенцев жертвы и лиц, которым был причинен вред при вмешательстве с целью оказать содействие жертвам или предотвратить виктимизацию. В некоторых случаях лица, которым был причинен вред, могут отдать предпочтение использованию термина "оставшиеся в живых". Комитет использует юридический термин "жертвы" без ущерба для других терминов, применение которых может быть предпочтительным в конкретных контекстах.

4. Комитет подчеркивает важность участия жертв в процессе возмещения и то, что конечной целью предоставления возмещения является восстановление достоинства жертвы.

5. Обязательства государств-участников по предоставлению возмещения в соответствии со статьей 14 имеют два взаимосвязанных аспекта: процедурный и материально-правовой. Для выполнения своих процедурных обязательств государства-участники вводят в действие законы и учреждают механизмы для рассмотрения жалоб, органы и учреждения по расследованию, включая независимые судебные органы, компетентные устанавливать право на возмещение жертвы пыток или жестокого обращения и присуждать такое возмещение, и обеспечивают эффективность и доступность этих механизмов для всех жертв. На материально-правовом уровне государства-участники обеспечивают, чтобы жертвы пыток или жестокого обращения получили полное и эффективное возмещение и возмещение, включая компенсацию и другие средства для возможно более полной реабилитации.

Материально-правовые обязательства: сфера применения права на возмещение

6. Как указано в пункте 2 выше, возмещение включает в себя следующие пять форм возмещения: реституцию, компенсацию, реабилитацию, удовлетворение и гарантии неповторения. Комитет признает элементы полного возмещения в соответствии с нормами и практикой международного права, которые приведены в Основных принципах и руководящих положениях, касающихся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права (Основные принципы и

руководящие положения)⁷⁶[1]. Восполнение должно быть адекватным, эффективным и всеобъемлющим. Государствам-участникам следует помнить о том, что при определении мер по возмещению и исполнению, предусмотренных для жертвы пыток или жестокого обращения или присужденных ей, должны приниматься во внимание особенности и обстоятельства каждого дела, а возмещение должно быть адаптировано к конкретным нуждам жертвы и быть соразмерно тяжести нарушений, совершенных против нее. Комитет подчеркивает, что предоставление исполнения неизменно оказывает превентивный и сдерживающий эффект в отношении будущих нарушений.

7. В тех случаях, когда государственные органы или другие лица, выступающие в официальном качестве, применяли пытки или жестокое обращение, знают или имеют разумное основание предполагать, что негосударственные должностные лица или частные субъекты применяли пытки или жестокое обращение и при этом не проявили должного усердия для целей предотвращения, расследования, привлечения к ответственности и наказания таких негосударственных должностных лиц или частных субъектов в соответствии с Конвенцией, то ответственность за предоставление возмещения жертвам несет государство (замечание общего порядка № 2).

Реституция

8. Реституция является одной из форм возмещения, предназначенной для восстановления того положения, в котором жертва находилась до нарушения Конвенции, с учетом особенностей каждого случая. Превентивные обязательства по Конвенции требуют от государств-участников обеспечивать, чтобы жертва, получающая такую реституцию, не находилась в положении, в котором она подвергалась бы риску повторного применения к ней пыток или жестокого обращения. В некоторых случаях жертва может счесть, что реституция невозможна из-за характера нарушения; однако государство предоставляет жертве полный доступ к возмещению. Для обеспечения эффективности реституции должны прилагаться усилия по устранению любых структурных причин нарушения, включая любого рода дискриминацию, связанную, например, с полом, сексуальной ориентацией, инвалидностью, политическими или иными убеждениями, этнической принадлежностью, возрастом и религией, а также любыми другими основаниями для дискриминации.

Компенсация

9. Комитет подчеркивает, что предоставление только денежной компенсации не является достаточным возмещением для жертвы пыток

⁷⁶ Основные принципы и руководящие положения Организации Объединенных Наций, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права, резолюция 60/147 Генеральной Ассамблеи.

и жестокого обращения. Комитет подтверждает неадекватность предоставления только денежной компенсации для выполнения государством-участником его обязательств по статье 14.

10. Право на оперативную, справедливую и адекватную компенсацию за пытки или жестокое обращение в соответствии со статьей 14 содержит множество аспектов, при этом компенсация, присуждаемая жертве, должна быть достаточной для компенсации любого поддающегося экономической оценке ущерба, возникшего в результате применения пыток или жестокого обращения, вне зависимости от того, носит ли она материальный характер или нет. Это может включать: возмещение расходов на медицинское обслуживание и предоставление средств для покрытия расходов на будущие медицинские или реабилитационные услуги, необходимые жертве для обеспечения максимально полной реабилитации; компенсацию материального или нематериального ущерба в результате причиненного физического и душевного вреда; компенсацию потерь в виде заработка и возможного заработка, обусловленных инвалидностью, возникшей в результате применения пыток или жестокого обращения; и компенсацию за утраченные возможности, такие как трудоустройство и образование. Кроме того, адекватная компенсация, присуждаемая государствами-участниками жертве пыток или жестокого обращения, должна предусматривать оказание жертве правовой помощи или помощи специалистов и покрытие других расходов, связанных с подачей ходатайства о предоставлении возмещения.

Реабилитация

11. Комитет утверждает, что предоставление средств для максимально полной реабилитации лица, которому был причинен вред в результате нарушения Конвенции, должно носить комплексный характер и включать медицинскую и психологическую помощь, а также правовые и социальные услуги. Для целей настоящего замечания общего характера под реабилитацией понимается восстановление функций или приобретение новых навыков, ставших необходимыми в результате изменившихся обстоятельств жертвы после применения в отношении нее пыток или жестокого обращения. Она направлена на создание условий для максимально возможных самостоятельности и функционирования соответствующего лица и может включать внесение коррективов в физическое и социальное окружение этого лица. Реабилитация жертв должна быть нацелена на максимально возможное восстановление их самостоятельности и их физических, душевных, социальных и профессиональных способностей, а также их полной социальной интеграции и участия в жизни общества.

12. Комитет подчеркивает, что обязательство государств-членов по предоставлению средств для "возможно более полной реабилитации" касается необходимости исправления и восполнения вреда,

причиненного жертве, прежнюю жизнь которой, включая такие параметры, как достоинство, здоровье и самообеспеченность, возможно, так и не удастся восстановить в полной мере из-за серьезных последствий пыток, которым она подверглась. Это обязательство не связано с имеющимися у государств-членов ресурсами, и его выполнение не может быть отсрочено.

13. В целях выполнения своих обязательств по обеспечению жертвы пыток или жестокого обращения средствами для возможно более полной реабилитации каждое государство-участник должно применять долгосрочный и комплексный подход и обеспечивать наличие, приемлемость и оперативную доступность услуг специалистов для жертв пыток или жестокого обращения. Это должно включать процедуру для анализа и оценки терапевтических и других потребностей отдельных лиц на основе, среди прочего, Руководства по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Стамбульский протокол); и может включать широкий ряд междисциплинарных мер, таких как медицинские, физические и психологические реабилитационные услуги; реинтеграционные и социальные услуги; помощь и услуги общинной и семейной ориентации; профессиональное обучение; образование и т.д. Комплексный подход к реабилитации, учитывающий силу и устойчивость жертвы, имеет исключительно важное значение. Кроме того, жертвы могут быть подвержены риску вторичной травматизации и испытывать обоснованный страх перед действиями, напоминающими им о пережитых ими пытках или жестоким обращении. Соответственно, самое пристальное внимание следует уделять необходимости создания доверительной и располагающей обстановки, в которой может оказываться помощь. В случае необходимости предоставляемые услуги могут носить конфиденциальный характер.

14. Содержащееся в Конвенции требование предоставлять подобные формы реабилитационных услуг не освобождает от необходимости оказания медицинских и психосоциологических услуг жертвам в ближайший период после применения пыток, равно как и такая первоначальная помощь не является выполнением обязательства по предоставлению средств для возможно более полной реабилитации.

15. Государства-участники обеспечивают создание в государстве эффективных служб и программ по реабилитации, учитывающих культурный уровень, индивидуальность, прошлое и происхождение жертвы, и их доступность для всех жертв без какой-либо дискриминации и вне зависимости от личности или статуса жертвы в рамках маргинализованной или находящейся в уязвимом положении группы, о чем говорится в пункте 32, включая просителей убежища и беженцев. Законодательство государств-участников должно предусматривать

создание конкретных механизмов и программ для оказания реабилитационных услуг жертвам пыток или жестокого обращения. Доступ к программам реабилитации должен предоставляться жертвам пыток сразу же после проведения оценки квалифицированными независимыми специалистами-медиками. Доступ к программам реабилитации не должен зависеть от использования жертвой средств судебной защиты. Предусмотренное в статье 14 обязательство относительно предоставления средств для возможно полной реабилитации может выполняться на основе непосредственного оказания предоставления реабилитационных услуг государством или путем финансирования частных медицинских, правовых и прочих услуг, включая услуги, предоставляемые неправительственными организациями (НПО), и в этом случае государство обеспечивает, чтобы они не подвергались репрессиям или запугиванию. Исключительно важное значение имеет участие жертвы в выборе поставщика услуг. Услуги должны предоставляться на соответствующих языках. Государствам-участникам рекомендуется создавать системы для оценки эффективного осуществления программ и услуг по реабилитации, включая использование надлежащих показателей и ориентиров.

Удовлетворение и право на установление истины

16. Удовлетворение должно включать ? в порядке выполнения обязательств по расследованию и уголовному преследованию в соответствии со статьями 12 и 13 Конвенции и в дополнение к этому ? любые из следующих мер правовой защиты или все такие меры: эффективные меры, направленные на прекращение продолжающихся нарушений; проверку фактов и полное и публичное раскрытие установленной истины в такой мере, в какой такое разглашение не причинило бы дополнительного вреда или не создало бы угрозы безопасности и интересам жертвы, родственников жертвы, свидетелей или лиц, которые принимали меры в целях оказания помощи жертве или недопущения совершения последующих нарушений; установление местонахождения исчезнувших лиц, личностей похищенных детей и местонахождения тел убитых и оказание помощи в обнаружении, идентификации и повторном захоронении тел жертв в соответствии с выраженной или презюмируемой волей жертв или затронутых семей; официальное заявление или судебное решение о восстановлении достоинства, репутации и прав жертвы и лиц, тесно связанных с жертвой; принятие судебных и административных санкций в отношении лиц, несущих ответственность за нарушения; принесение публичных извинений, включая признание фактов и признание ответственности; поминовение жертв и воздание им памяти.

17. Непринятие государством мер к расследованию, уголовному преследованию или допущению гражданского судопроизводства в связи с утверждениями о применении пыток в оперативном порядке может

представлять собой фактический отказ в средствах правовой защиты и, тем самым, нарушение обязательств государства по статье 14.

Гарантии неповторения

18. В статьях 1-16 Конвенции предусмотрены конкретные превентивные меры, которые государства-участники сочли существенно важными для предупреждения пыток и жестокого обращения. Для того чтобы гарантировать неповторение пыток или жестокого обращения, государства-участники должны принимать меры по борьбе с безнаказанностью за нарушения Конвенции. Такие меры включают выпуск предназначенных для государственных должностных лиц эффективных и четких указаний относительно положений Конвенции, и в первую очередь относительно полного запрета на применение пыток. К другим мерам следует отнести любые из следующих мер или все эти меры: гражданский надзор за вооруженными силами и силами безопасности; обеспечение того, чтобы все судебные процессы проводились в соответствии с международными стандартами надлежащей судебной процедуры, справедливости и беспристрастности; повышение независимости судебного корпуса; защита правозащитников и специалистов в области права, здравоохранения и других областях, оказывающих помощь жертвам пыток; создание систем регулярного и независимого мониторинга всех мест содержания под стражей; обеспечение ? на первоочередной и постоянной основе ? учебной подготовки для сотрудников правоохранительных органов и служащих вооруженных сил и сил безопасности по праву человека, которая включает изучение конкретных потребностей маргинализированных и уязвимых групп населения, и специальной учебной подготовки по Стамбульскому протоколу для специалистов в областях здравоохранения и права и сотрудников правоохранительных органов; содействие соблюдению международных стандартов и кодексов поведения гражданскими служащими, включая сотрудников правоохранительных, исправительных, медицинских и психологических учреждений, работников социальных служб и военнослужащих; обзор и пересмотр законов, способствующих применению пыток и жестокого обращения или допускающих их применение; обеспечение соблюдения статьи 3 Конвенции, запрещающей возвращение ("refoulement"); обеспечение наличия временных служб для отдельных лиц или групп отдельных лиц, таких как приюты для жертв пыток или жестокого обращения, имеющих гендерные или иные аспекты. Комитет отмечает, что принятие таких мер, как перечисленные в настоящем докладе, также позволяет государствам-участникам выполнять их обязательства по предотвращению актов пыток в соответствии со статьей 2 Конвенции. Кроме того, гарантии неповторения предоставляют значительные возможности для трансформирования социальных отношений, которые возможно, являются основными причинами насилия, и могут включать,

но не быть ограниченными только этим, внесение поправок в соответствующие законы, борьбу с безнаказанностью и принятие эффективных превентивных и сдерживающих мер.

Процедурные обязательства: осуществление права на возмещение

Законодательство

19. В соответствии со статьей 2 Конвенции каждое государство-участник принимает "эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией". Как разъяснено Комитетом в его замечании общего порядка № 2, "государства-участники должны квалифицировать применение пыток в качестве преступления в соответствии со своим уголовным правом, исходя, как минимум, из элементов определения пытки, содержащегося в статье 1 Конвенции, и предписаний статьи 4". Непринятие государствами-участниками законов, однозначным образом инкорпорирующих их обязательства по Конвенции и предусматривающих уголовное наказание за применение пыток и жестокое обращение, и обусловленное этим отсутствие пыток и жестокого обращения в числе уголовно-наказуемых преступлений лишают жертву возможности получить доступ к правам, гарантированным статьей 14, и реализовать эти права.

20. Для осуществления статьи 14 государства-участники принимают законодательство, конкретно предусматривающее для жертвы пыток и жестокого обращения эффективные средства правовой защиты и права на получение адекватного и надлежащего возмещения, включая компенсацию и возможно более полную реабилитацию. Такое законодательство должно предоставлять отдельным лицам возможность реализации этого права и обеспечивать их доступ к судебной защите. Хотя программы коллективного возмещения ущерба и административного возмещения ущерба могут быть приемлемыми в качестве одной из форм возмещения, такие программы не должны приводить к утрате силы индивидуального права на использование средств правовой защиты и получение возмещения.

21. Государства-участники должны обеспечить, чтобы в их внутренних законах предусматривалось, что жертва, пострадавшая от насилия или травматизма, должна пользоваться надлежащей помощью и защитой для недопущения повторной травматизации в ходе юридических и административных процедур, предназначенных для отправления правосудия и предоставления возмещения.

22. В соответствии с Конвенцией государства-участники обязаны преследовать или выдавать лиц, предположительно применявших пытки, если они находятся на любой территории под их юрисдикцией, и принимать необходимое для этого законодательство. Комитет считает, что применение статьи 14 не ограничивается жертвами, вред которым был причинен на территории государства-участника, или гражданами

государства-участника или же в отношении них. Комитет положительно отметил усилия государств-участников по предоставлению гражданско-правовых средств защиты жертвам, подвергшимся пыткам или жестокому обращению за пределами их территории. Это особенно важно в тех случаях, когда жертва лишена возможности реализовать права, гарантированные статьей 14, на территории, на которой произошло нарушение. Действительно, статья 14 требует от государств-участников обеспечения того, чтобы все жертвы пыток и жестокого обращения могли иметь доступ к средствам правовой защиты и получить возмещение.

Эффективные механизмы рассмотрения жалоб и расследования

23. Комитет в своих заключительных замечаниях определил другие обязательства государств, которые должны выполняться для обеспечения полного соблюдения прав жертвы, предусмотренных в статье 14. В этой связи Комитет подчеркивает важность взаимосвязи между выполнением государствами-участниками их обязательств по статьям 12 и 13 и выполнением их обязательств по статье 14. Согласно статье 12 государства-участники проводят быстрые, эффективные и беспристрастные расследования, когда имеются достаточные основания полагать, что пытка была применена на любой территории государства-участника, находящейся под его юрисдикцией, в результате его действий или бездействия и, как отражено в статье 13 и подтверждено Комитетом в его замечании общего порядка № 2, обеспечивают создание механизмов для беспристрастного и эффективного распространения жалоб. Без гарантий выполнения обязательств по статьям 12 и 13 полное возмещение получено быть не может. Механизмы рассмотрения жалоб должны быть известны и доступны общественности, в том числе лицам, лишенным свободы, вне зависимости от их нахождения под стражей, в психиатрических лечебницах или иных местах, с помощью, например, телефонных "горячих линий" или ящиков "для конфиденциальных жалоб" в местах лишения свободы, и лицам, принадлежащим к уязвимым или маргинализированным группам, включая лиц, которые, возможно, обладают ограниченными коммуникативными способностями.

24. На процессуальном уровне государства-участники обеспечивают наличие учреждений, компетентных выносить подлежащие принудительному применению окончательные решения в рамках установленной законом процедуры, с тем чтобы жертвы пыток или жестокого обращения могли гарантированно получить возмещение, включая адекватную компенсацию и реабилитацию.

25. Для того чтобы обеспечить осуществление права жертв на возмещение, компетентные органы государства-участника должны оперативно, эффективно и беспристрастно расследовать и рассматривать дело любого человека, утверждающего, что он подвергся

пытке или жестокому обращению. Такое расследование должно включать стандартную процедуру независимой судебно-медицинской и судебно-психологической экспертизы, как это предусмотрено в Стамбульском протоколе. Необоснованные задержки с началом или завершением расследований жалоб на пытки или жестокое обращение наносят ущерб предусмотренным статьей 14 правам жертв на получение возмещения, включая справедливую и адекватную компенсацию и средства для возможно более полной реабилитации.

26. Несмотря на доказательственные преимущества для жертв, предоставляемые уголовным судопроизводством, гражданское разбирательство и рассмотрение ходатайства жертвы о возмещении вреда не должны зависеть от результатов уголовного процесса. Комитет считает, что предоставление компенсации не должно необоснованно затягиваться до тех пор, пока не будет установлена уголовная ответственность. Гражданскую ответственность следует определять независимо от уголовного процесса, и с этой целью должно быть обеспечено наличие необходимых законов и учреждений. Если же в соответствии с внутренним законодательством рассмотрение дела в уголовном судопроизводстве должно предшествовать подаче ходатайства о предоставлении компенсации, то непроведение уголовного процесса или необоснованные задержки с его проведением представляют собой несоблюдение государством-участником его обязательств по Конвенции. Применение только мер дисциплинарного воздействия не считается эффективным средством защиты по смыслу статьи 14.

27. В соответствии со статьей 14 государство-участник обеспечивает получение возмещения жертвами любого акта пыток или жестокого обращения в пределах его юрисдикции. На государства-участники возложено обязательство принимать все необходимые и эффективные меры для обеспечения того, чтобы все жертвы таких актов получали возмещение. Это обязательство включает в себя обязательство государств-участников оперативно возбуждать дело для обеспечения получения возмещения жертвами даже при отсутствии жалобы, если имеются разумные основания полагать, что применение пыток или жестокое обращение действительно имело место.

28. Комитет настоятельно рекомендует государствам-участникам признать компетенцию Комитета рассматривать индивидуальные жалобы в соответствии со статьей 22, с тем чтобы жертвы могли представлять сообщения и запрашивать мнение Комитета. В этой связи Комитет рекомендует государствам-участникам ратифицировать Факультативный протокол к Конвенции против пыток или присоединиться к нему в целях усиления мер по предотвращению пыток и жестокого обращения.

Доступ к механизмам получения возмещения

29. Комитет подчеркивает важность активного обеспечения государствами-участниками надлежащего информирования жертв и их семей об имеющемся у них праве на получение возмещения. В этой связи требуется обеспечение транспарентности предусмотренных процедур получения возмещения. Кроме того, государству-участнику следует оказывать помощь и поддержку с целью сведения к минимуму обременительности этих процедур для авторов жалоб и их представителей. Гражданская или иная процедура не должна предполагать несения жертвами финансового бремени, которое препятствовало или мешало бы им обращаться за возмещением. В тех случаях, когда существующая гражданская процедура не позволяет предоставить жертвам адекватное возмещение, Комитет рекомендует создавать легкодоступные для жертв пыток и жестокого обращения механизмы, включая учреждение национального фонда по предоставлению возмещения жертвам пыток. В целях обеспечения доступа для лиц, принадлежащих к группам, ставшим маргинализированными или уязвимыми, следует предусмотреть принятие специальных мер.

30. Средства судебной защиты должны всегда находиться в распоряжении жертв вне зависимости от того, какими другими средствами защиты они могут располагать, и обеспечивать их участие. Государствам-участникам следует оказывать достаточную правовую помощь тем жертвам пыток или жестокого обращения, которые не имеют необходимых средств для направления жалоб и обращения с ходатайствами о предоставлении возмещения. Кроме того, государства-участники обеспечивают возможность незамедлительного получения жертвами всех доказательств в отношении актов пыток или жестокого обращения по требованию самих жертв, их адвоката или судьи. Непредставление государством-участником доказательств и информации, таких как протоколы медицинской экспертизы или лечения, может оказать неправомерное негативное воздействие на способности жертв подавать жалобы и добиваться возмещения, компенсации и реабилитации.

31. Государство-участник должно также принимать меры по недопущению вторжения в частную жизнь жертв и защите жертв, их семей, свидетелей и других лиц, которые неизменно противодействовали от их лица запугиванию и устрашению до начала, во время и после судебных, административных и иных процессуальных действий, затрагивающих интересы жертв. Непредоставление такой защиты препятствует направлению жертвами их жалоб и в силу этого является нарушением права добиваться возмещения и правовой защиты и получать их.

32. Принцип недискриминации является основополагающим и общим принципом в рамках защиты прав человека и имеет определяющее

значение для толкования и применения Конвенции. Государства-участники обеспечивают наличие непосредственного доступа к правосудию и механизмам, позволяющим добиваться возмещения и получать его, направленность позитивных мер на то, чтобы возмещение было в равной мере доступно для всех лиц независимо от расы, цвета кожи, этнического происхождения, возраста, религиозных убеждений и вероисповедания, национального или социального происхождения, пола, сексуальной ориентации, гендерной самоидентификации, психических или иных расстройств, состояния здоровья, участия в экономической деятельности или принадлежности к коренным народам, вида преступления, за которое лицо содержится под стражей, включая лиц, обвиняемых в политических преступлениях или террористических актах, просителей убежища, беженцев или других лиц, находящихся под международной защитой, или какого-либо иного статуса или неблагоприятного признака, и в том числе маргинализированных или оказавшихся в уязвимом положении лиц на основаниях, указанных выше. Коллективные меры по восполнению, учитывающие особенности культуры, предусматриваются для групп с общей идентичностью, таких как группы меньшинств, группы коренных народов и другие. Комитет отмечает, что коллективные меры не исключают индивидуального права на возмещение.

33. В ходе судебного и несудебного разбирательства применяются учитывающие гендерную специфику процедуры, направленные на недопущение повторной виктимизации и стигматизации жертв пыток или жестокого обращения. В отношении сексуального или гендерного насилия и доступа к надлежащим процедурам и беспристрастному суду Комитет подчеркивает, что в ходе любого производства ? как гражданского, так и уголовного ? для определения права жертвы на возмещение, включая компенсацию, нормы доказательного права и процессуальные нормы в отношении гендерного насилия должны признавать равную доказательную силу показаний женщин и девочек, как это должно быть в отношении и всех других жертв, и не допускать предоставления доказательств дискриминационного характера и преследований жертв и свидетелей. Комитет считает, что для деятельности механизмов рассмотрения жалоб и проведения расследований требуется принятие конкретных позитивных мер с учетом гендерных аспектов для обеспечения того, чтобы жертвы таких нарушений, как сексуальное насилие и надругательства, изнасилование, изнасилование в браке, бытовое насилие, калечение женских половых органов и торговля людьми, имели возможность заявить о себе и добиваться возмещения.

34. Для недопущения вторичной виктимизации и стигматизации жертв пыток или жестокого обращения меры защиты, приведенные в предыдущем пункте, в равной мере применяться к любому

маргинализованному или оказавшемуся уязвимым лицу на основании наличия таких отличительных признаков и принадлежности к таким группам, примеры которых приведены в пункте 32 в связи с принципом недискриминации. В рамках как судебного, так и несудебного производства в отношении любого такого лица необходимо проявлять чуткость. В этой связи Комитет отмечает, что сотрудники судебной системы должны проходить специальную подготовку для ознакомления с различными видами воздействия пыток и жестокого обращения, в том числе воздействия на жертв из маргинализованных и уязвимых групп, и освоения навыков предупредительного отношения к жертвам пыток и жестокого обращения, в том числе в форме сексуальной или гендерной дискриминации, в целях недопущения вторичной виктимизации и стигматизации.

35. Комитет считает, что подготовка соответствующих сотрудников полиции, сотрудников пенитенциарных учреждений, медицинского персонала, работников судебной системы и сотрудников иммиграционной службы, включая подготовку по Стамбульскому протоколу, имеет основополагающее значение для обеспечения эффективности расследований. Кроме того, должностные лица и сотрудники, участвующие в усилиях, направленных на получение возмещения, должны проходить методологическую подготовку в целях недопущения вторичной травматизации жертв пыток или жестокого обращения. В случае персонала медико-санитарных служб эта подготовка должна включать обязательное информирование жертв гендерного и сексуального насилия и всех других форм дискриминации о наличии процедур оказания срочной физической и психологической медицинской помощи. Комитет также призывает государства-участники создавать правозащитные отделения в рамках полицейских сил и подразделения, состоящие из сотрудников, прошедших специальную подготовку по расследованию случаев гендерного и сексуального насилия, включая сексуальное насилие, совершенное в отношении мужчин и мальчиков, и насилия в отношении детей и представителей этнических, религиозных, национальных или других меньшинств и иных маргинализованных и уязвимых групп.

36. Комитет также подчеркивает важность наличия надлежащих процедур для удовлетворения потребностей детей с учетом наилучших интересов ребенка и права ребенка на свободное выражение его взглядов по всем затрагивающим его вопросам, включая судебное и административное производство, и уделения должного внимания мнениям ребенка, исходя из его возраста и зрелости. Государства-участники должны обеспечивать принятие учитывающих интересы детей мер по восполнению, направленных на укрепление здоровья ребенка и защиту его достоинства.

Препятствия на пути осуществления права на возмещение

37. Одним из важнейших компонентов права на возмещение является однозначное признание соответствующим государством-участником того, что меры по восполнению, предоставленные или присужденные жертве, связаны с нарушениями Конвенции в результате действий или бездействия. В этой связи Комитет придерживается той точки зрения, что государство-участник не может осуществлять меры в области развития или предоставлять гуманитарную помощь в качестве замены возмещения для жертв пыток или жестокого обращения. Непредоставление государством-участником возмещения индивидуальной жертве пыток не может быть оправдано ссылкой на уровень развития государства. Комитет напоминает, что последующие правительства, а также государства-преемники остаются связанными обязательством гарантировать доступ к праву на возмещение.

38. Государства ? участники Конвенции обязаны обеспечивать эффективность права на возмещение. Конкретные препятствия, затрудняющие реализацию права на возмещение и мешающие эффективному осуществлению статьи 14, включают следующие факторы, но не ограничиваются ими: неадекватное национальное законодательство, дискриминация в отношении доступа к механизмам рассмотрения жалоб и проведения расследований и процедурам предоставления правовой помощи и возмещения; недостаточно эффективные меры по обеспечению задержания предполагаемых правонарушителей, законы о государственной тайне, бремя доказывания и процедурные требования, влияющие на установление права на возмещение; законы об исковой давности, амнистии и иммунитеты; непредоставление достаточной правовой помощи и мер защиты для жертв и свидетелей; а также соответствующая стигматизация и физические, психологические и другие сопутствующие последствия применения пыток и жестокого обращения. Помимо этого, невыполнение государством-участником решений о принятии мер по восполнению в отношении жертв пыток, принятых национальными, международными или региональными судами, представляет собой серьезное препятствие на пути реализации права на возмещение. Государствам-участникам следует разработать скоординированные механизмы по выполнению вынесенных в пользу жертв решений на трансграничной основе, включая признание действительности судебных приказов других государств-участников и оказание помощи в установлении местонахождения имущества преступников.

39. Если говорить об обязательствах, предусмотренных в статье 14, то государства-участники обеспечивают как де-юре, так и де-факто доступ к механизмам своевременного и эффективного возмещения для членов маргинализированных и/или ставших уязвимыми групп, избегают мер, препятствующих членам таких групп добиваться и получать возмещение, и устраняют формальные или неформальные препятствия, с которыми

они могут столкнуться при получении возмещения. К таким препятствиям могут относиться, к примеру, неадекватные судебные или иные процедуры количественной оценки понесенного ущерба, которые могут оказывать несопоставимое негативное воздействие на таких лиц в плане наличия доступа к материальным средствам или их сохранения. Как было подчеркнуто Комитетом в его замечании общего порядка № 2, "гендер является одним из ключевых факторов. Принадлежность к женскому полу в сочетании с другими отличительными особенностями или статусом человека... это факторы, помогающие определить, в каких именно ситуациях женщины и девочки подвергаются пыткам или жестокому обращению или угрозе таких актов". Государства-участники обязаны уделять должное внимание гендерным вопросам при обеспечении всех перечисленных выше элементов в ходе процесса, направленного на то, чтобы каждое потерпевшее лицо, в частности члены ставших уязвимыми групп, включая лесбиянок, гомосексуалистов, бисексуалов и транссексуалов (ЛГБТ), пользовались справедливым и равным обращением и получали справедливую и адекватную компенсацию, реабилитацию и другие меры по восполнению, соответствующие их конкретным потребностям.

40. Поскольку последствия применения пыток носят долговременный характер, следует не допускать применения законов об исковой давности, поскольку они лишают жертв положенных им возмещения, компенсации и реабилитации. У многих жертв не наблюдается уменьшения причиненного вреда с течением времени, а в некоторых случаях может наблюдаться даже усугубление такого вреда в результате посттравматического стресса, требующего медицинской, психологической и социальной помощи, которая нередко оказывается недоступной для тех жертв, которые не получили возмещения. Государства-участники должны обеспечивать, чтобы все жертвы пыток или жестокого обращения вне зависимости от того, когда произошло нарушение или было ли оно совершено прежним режимом или с его молчаливого согласия, могли реализовать свои права на использование средств правовой защиты и получение возмещения.

41. Комитет неизменно придерживался той позиции, что амнистии в случае преступления в форме пыток несовместимы с обязательствами государств-членов в соответствии с Конвенцией, в том числе в соответствии со статьей 14. Как было отмечено в замечании общего порядка № 2, "амнистии и другие юридические препятствия, исключаящие и свидетельствующие о нежелании обеспечить своевременное и правомерное судебное преследование и наказание лиц, виновных в совершении пыток или жестоком обращении, нарушают принцип недопустимости отступления от соответствующих норм". Комитет считает, что амнистии в случае применения пыток и жестокого обращения создают недопустимые препятствия для жертвы в ее усилиях

по получению возмещения и способствуют атмосфере безнаказанности. В этой связи Комитет обращается с призывом к государствам-участникам исключить любые амнистии в случае совершения преступлений в форме пыток или жестокого обращения.

42. Аналогичным образом, предоставление иммунитета в нарушение норм международного права любому государству или его агентам или негосударственным субъектам в случае применения пыток или жестокого обращения является непосредственным нарушением обязательства относительно предоставления жертвам возмещения. Если безнаказанность допускается законом и существует де-факто, она лишает жертв возможности добиваться полного возмещения, поскольку позволяет преступникам оставаться безнаказанными и лишает жертв всех гарантий соблюдения их прав по статье 14. Комитет утверждает, что соображения национальной безопасности ни при каких обстоятельствах не могут использоваться для отказа жертвам в возмещении.

43. Комитет считает, что оговорки, направленные на ограничение применения статьи 14, несовместимы с предметом и целью Конвенции. В этой связи государствам-участникам рекомендуется рассмотреть вопрос о снятии любых оговорок в отношении статьи 14, которые ограничивают ее применение, для обеспечения того, чтобы все жертвы пыток или жестокого обращения имели доступ к возмещению и средствам правовой защиты.

Фонд добровольных взносов Организации Объединенных Наций для жертв пыток

44. Добровольные взносы в международные фонды для жертв пыток играют важную роль в оказании содействия этим лицам. Комитет подчеркивает важное значение работы, осуществляемой Фондом добровольных взносов Организации Объединенных Наций для жертв пыток, оказывающим жертвам пыток гуманитарную помощь. Комитет также подчеркивает имеющуюся у государств-участников возможность внесения добровольных взносов в этот фонд вне зависимости от принятия национальных мер или внесения иных взносов.

Мониторинг и отчетность

45. Государства-участники обязаны создать систему для надзора, мониторинга, оценки и отражения в отчетности принятия ими мер по предоставлению возмещения и оказанию необходимых услуг по реабилитации для жертв пыток или жестокого обращения. Соответственно государства-участники должны включать в свои доклады Комитету данные, разукрупненные по возрасту, полу, национальности и другим ключевым факторам, в отношении мер по возмещению, принятых в интересах жертв пыток или жестокого обращения, в целях выполнения их обязательства, упомянутого в замечании общего характера № 2, по

проведению постоянной оценки их усилий, направленных на предоставление возмещения жертвам.

46. В отношении осуществления статьи 14 Комитет отметил необходимость предоставления адекватной информации об осуществлении статьи 14 в докладах государств-участников. В этой связи Комитет хотел бы подчеркнуть необходимость предоставления конкретной информации по следующим аспектам:

a) число жертв пыток или жестокого обращения, обратившихся за компенсацией с использованием правовых, административных и иных средств, и характер предполагаемых нарушений; число жертв, которым была предоставлена компенсация; и размеры компенсации;

b) принятые меры по оказанию помощи жертвам непосредственно после того, как они подверглись пыткам;

c) реабилитационные возможности, предусмотренные для жертв пыток или жестокого обращения, и их доступность, а также бюджетные ассигнования на программы реабилитации и число жертв, получивших реабилитационные услуги, соответствующие их потребностям;

d) имеющиеся методы оценки эффективности реабилитационных программ и услуг, включая применение надлежащих показателей и контрольных ориентиров, и результаты такой оценки;

e) принятые меры для обеспечения удовлетворения и гарантий неповторения;

f) внутренние законы, предусматривающие право жертв пыток или жестокого обращения на защиту и возмещение, и соответствующие имплементационные меры, принятые государством-участником. В случае отсутствия таких законов в доклады следует включать информацию о предпринятых государством-участником мерах по принятию и осуществлению такого законодательства;

g) принятые меры для обеспечения того, чтобы все жертвы пыток или жестокого обращения имели возможность осуществить и реализовать свои права по статье 14;

h) механизмы рассмотрения жалоб, имеющиеся в распоряжении жертв пыток или жестокого обращения, включая распространение информации о таких механизмах и обеспечение их доступности для всех жертв. Государствам-участникам следует также включать разукрупненные по возрасту, полу, национальности и месту проживания авторов и предположительно совершенному нарушению данные о количестве жалоб, полученных такими механизмами;

i) меры, принятые государствами-участниками для обеспечения эффективного расследования всех утверждений о пытках и жестоком обращении;

j) законодательство и политические меры, разработанные для позитивной идентификации жертв пыток в целях предоставления им возмещения;

к) имеющиеся у жертвы пыток или жестокого обращения возможности для получения возмещения, включая все уголовные, гражданские, административные и несудебные процедуры, такие как административные программы возмещения ущерба, а также информация о том, сколько жертв воспользовались такими механизмами, сколько жертв добились предоставления возмещения и принятия мер по возмещению и в каких формах и/или размерах было предоставлено возмещение;

л) правовая помощь и защита свидетелей, предусмотренные для жертв пыток или жестокого обращения, а также для свидетелей и других лиц, выступающих от имени жертв, включая распространение информации о такой помощи и ее применение на практике; число жертв, которым была оказана правовая помощь; число лиц, которые были обеспечены защитой в рамках государственной программы защиты свидетелей; и оценка государством-участником эффективности такой защиты;

м) предпринятые шаги по выполнению решений национальных, региональных и международных судов, включая период времени между датой вынесения решения и датой фактического предоставления компенсации или других форм возмещения. Государствам-участникам следует также включать разукрупненные данные о числе жертв, в отношении которых в судебных решениях было предусмотрено принятие мер по возмещению, и числе жертв, которые фактически получили возмещение, с указанием характера совершенных нарушений;

н) имеющиеся гарантии специальной защиты членов маргинализированных или уязвимых групп, включая женщин и детей, добивающихся осуществления их прав, гарантированных статьей 14 Конвенции;

о) любые другие аналогичные вопросы, информация о которых может потребоваться Комитету.

Тексты представленных решений и замечаний общего порядка Комитета находятся в справочной системе «Международное право», установленной в ведомственном контуре Государственной автоматизированной системы «Правосудие», а также на официальном сайте Комитета: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CAT/Pages/CATIndex.aspx>.

***Управление систематизации законодательства
и анализа судебной практики
Верховного Суда Российской Федерации***